

БИБЛІОТЕКА

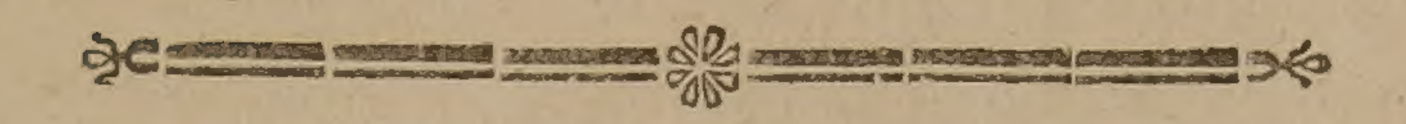
УЧЕНАЯ,
ЕКОНОМИЧЕСКАЯ,
НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ
всякаго званія Читателей.

ЧАСТЬ XII.

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1794 ГОДА.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ОКОНЧАНІЕ О ДРАМАТИЧЕСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ.

О КОМЕДІИ.

Комедія есть представленіе дѣянія частныхъ людей съ смѣшной стороны.

Естьли бы довольствовалися называть комедію подражаніемъ дѣянія частныхъ людей, не прибавляя къ тому посмѣшества, тогда бы всѣ пороки, всѣ добродѣтели, и всѣ въ обществѣ случающіяся приключенія могли бы въ оную входить. Несчастіе родителя, печали молодаго человѣка,

обманутаго въ своей надеждѣ, служили бы ей предметомъ. Она бы заставляла и плакать, такъ какъ трагедія (*). И такъ все то, что не стремится увеселять зрителя представленіемъ какого либо видимаго недостатка, не принадлежитъ къ комедіи; но составляетъ особой родъ драмы.

Не надлежитъ въ комедіяхъ изображать людей хуждшими, нежели они суть въ самомъ дѣлѣ, симъ бы учинили ихъ ненавистными: не должно такъ же представлять ихъ глупѣе настоящаго; чрезъ сіе учинились бы они презрительными: должно умножать ихъ смѣшныя свойства, ибо сіе забавляетъ зрителя. Смѣшныя обычаи и нравы суть предметы комедіи.

Сіе смѣшное есть безобразіе, противное пристойности принятымъ обычаямъ, или нравственности вѣжливаго и просвѣщеннаго свѣта.

(*) Сіе-то есть то, что называется слезною комедіею, или драмою; Г. ла Шосе есть первый писатель въ семъ родѣ.

И такъ безобразіе смѣшное, есть слѣдовательно противорѣчіе мыслей какого либо человѣка, чувствій его, нравовъ, вида, поступокъ съ природою, съ принятыми законами, съ обычаями и совсемъ тѣмъ, чего кажется требуетъ теперешнѣе положеніе того человѣка, въ которомъ находится сіе безобразіе. Напримѣръ: человѣкъ самаго подлаго состоянія, и говоритъ безпрестанно только объ однихъ Царяхъ: онъ родился въ Москвѣ, живетъ тамъ, но одѣвается по Китайски; или напримѣръ: старый влюбленный Гарпагонъ, или Тартюфъ, худо скрывающійся подъ своею маскою.

Надлежитъ примѣчать, что сіе смѣшное должно быть и въ самомъ дѣлѣ смѣшно, ибо не всякое безобразіе есть смѣшно, какъ то мы замѣтили; есть и такое, которое намъ скучаетъ, и противно видѣть; таково напримѣръ грубое безобразіе. Есть другое, которое причиняетъ въ насъ досаду, по тому, что происходитъ отъ

недостатка, или порока, огорчающаго наше самолюбіе: такова напримѣрЪ глупая гордость. То, что выводится на театрЪ комическій, всегда должно быть пріятно, нѣжно и тонко. Оно состоитЪ вЪ живомЪ и весьма сходномЪ изображеніи нравовЪ гражданЪ, и вЪ присовокупленіи кЪ тому отЪ времени до времени нѣчто шутоватое и странное, которое легче можно почувствовать, нежели изЪяснить словами. ОднакожЪ мы постараемся сіе истолковать.

Смѣшное вЪ комедіи будетЪ истинное, когда изобразитЪ оно гражданскую жизнь, коея подражаніе составляетЪ предметЪ комедіи. ,,Она, говоритЪ отецЪ РасинЪ, такова, каковою должна быть, когда зритель думаетЪ, что вЪ самомЪ дѣлѣ видитЪ вЪ оной то, что видитЪ онЪ вЪ свѣтѣ.,,

Смѣшное истинное и настоящее будетЪ странно, или увеличено, то есть простертое за предѣлы свои, во

гревыхъ тогда, какъ черты размножены и почти сряду одна за другою представлены. Есть смѣшное въ поведенiи людей, но тутъ оное не такъ поразительно, по тому, что не столь часто. Скупой въ обществѣ оказываетъ изъ рѣдка знаки своея скупости. На театрѣ же скупой не говоритъ ни единаго слова, и не дѣлаетъ ни одного тѣлодвиженiя, которое бы не изображало скупости: сiе то и составляетъ позорище странное, истинное и совершенно смѣшное.

Смѣшное выходитъ изъ предѣловъ, когда преступаетъ оно границы обыкновеннаго правдоподобiя. Скупой видитъ двѣ зажженныя свѣчи, одну изъ нихъ задуваетъ; сiе справедливо: ее зажигаютъ еще; онъ опять задуваетъ: ее опять зажигаютъ, онъ кладетъ ее тогда въ карманъ; сiе далеко простерто; но не выходитъ изъ предѣловъ комедiи. Нѣкоторая тѣнь лживости учиняетъ вещь весьма забавною. Духъ комедiи будучи веселъ,

и выдавая себя за таковой, то не долженъ онъ надмѣру скрывать цѣль свою, состоящую въ томъ, чтобъ заставить насъ смѣяться. Самыя даже платья, тѣлодвиженія и голоса, должны имѣть нѣкоторое смѣшное притворство. Гасконецъ хвастливый и угрюмый Мизантропъ должны быть одѣты приличнымъ ихъ свойствамъ образомъ.

Смѣшное будетъ увеличено, когда противу поставить ему здравой разсудокъ и пристойность. Они будутъ между собою противорѣчить, когда поставить молодаго мота близь скупаго отца, бранчиваго подлѣ кроткаго и проч. Они будутъ противорѣчить здравому разсудку и пристойности, когда на томъ же самомъ позорищѣ увидятъ человѣка благоразумнаго и страстнаго игрока въ тавлеи, которой придетъ надоѣдать ему своими скучными разговорами, или женщину занимающуюся хозяйствомъ съ женщиною ученою, или человѣка вѣж-

ливаго и дружелюбиваго близь Мизантропа.

Такимъ образомъ можно въ комедiи раздѣлить Актiоровъ на два рода, такъ какъ и характеры, одни истинные, а другiе комическiе. Первые такъ, какъ въ трагедiи должны быть выражены съ истинною, силою и пристойностiю, другiе же съ большею силою, нежели истинною, съ большимъ притворствомъ, нежели справедливостiю. Комедiянтъ можетъ нѣсколько возвыситься, и дать почувствовать, что онъ подражатель, по тому, что всякое подражанiе само собою смѣшно. Противное тому находится въ трагедiи; ибо, ежели подражанiе въ оной будетъ ощутительно, то оно токмо служить будетъ къ осушенiю слезъ зрителя.

Но довершимъ учинить сiе толкованiе смѣшнаго ощутительнѣйшимъ съ помощiю примѣра. Когда Созiя въ Амфитрiонѣ повторяетъ предъ своимъ фонаремъ привѣтствiе, которое должно

ему сдѣлать Алкменѣ; когда почитаетъ онъ сей фонарь Королевою, низко ему кланяется, называетъ Милостивою Государынею: вотъ истинное, смѣшное и странное, или увеличенное.

Истинное по тому, что въ семъ явленіи видятся истинные или правдоподобные нравы. Весьма естественно, что слуга недоумѣвающій, что ему сказать или повторить, приводитъ себѣ на память рѣчь свою, помышляетъ какъ бы лучше ему оную сказать, и въ свободное время испытываетъ оное.

Созія одинъ въ темнотѣ; онъ держитъ въ рукѣ фонарь, ставитъ его предъ собою, представляетъ, что то его Гжа; и говоритъ съ нимъ такъ, какъ бы то она сама была. Сіе есть низкое комическое, я въ томъ признаюсь; но однако же комическое.

Должно замѣтить, что комическое имѣетъ разныя степени. Есть комическое тонкое, нѣжное, и которое одинъ только умъ, такъ сказать,

щекотитъ. Таково напримѣръ находящіеся въ Мизантропѣ въ ученыхъ женщинахъ, въ Тартюфѣ въ хвастунѣ. Въ сихъ комедіяхъ все пристойно, правильно, нравы въ нихъ изображены, каковы они въ самомъ дѣлѣ, съ увеличеніемъ столь легкимъ, что оное почти неощутительно. Сіе есть высокая комедія. Есть другая, которая заемлетъ нѣчто отъ игрища, и состоитъ въ проворствѣ и плутовствѣ слугъ или служанокъ и проч: вещи въ такихъ комедіяхъ столь увеличены, что сіе есть больше шутовское игрище, нежели комедія; почти все въ нихъ преступаетъ предѣлы истинны, все притворно, уродливо, и надмѣру увеличено. Сія то есть низкая комедія. Между сими двумя крайностями много есть срединъ, о коихъ легко можно получить понятіе: и можетъ быть въ сей-то срединѣ и находится истинная комедія, которая увеселяетъ вооображеніе и разумъ. Есть способъ все соглашать; то есть мѣшать вмѣстѣ

всѣ роды: они могутъ способно соединяться. Первыя лица представятъ высокую комедiю, по тому, что люди благовоспитанные видны даже и въ сумазбродствахъ своихъ. Слуги же, служанки и всѣ такова разбору люди представятъ низкую комедiю, имъ приличную.

Комическое, то есть, что Римляне называли vis comica, есть слѣдовательно, какъ то мы сказали, настоящее смѣшное, но болѣе или менѣе увеличенное, смотря по тому, сколь нѣжна или груба комедiя. Есть точка, до которой зрители не смѣются, и за которою не смѣются уже болѣе, или по крайней мѣрѣ честные люди. Чѣмъ болѣе кто имѣетъ вкусъ изощренный и образованный, съ помощiю изящныхъ примѣровъ, тѣмъ болѣе тотъ сiе чувствуетъ. Но сiи-то есть такiя вещи, кои можно только что чувствовать.

Послѣ всего сего нами сказаннаго о слогѣ вообще и о его различностяхъ, я думаю безполезно будетъ сказывать,

каковъ долженъ быть слогъ комедіи. Простъ, ясенъ, но не низокъ и не подлъ; приправленъ тонкими и нѣжными мыслями, изрѣченіями болѣе живыми, нежели блистательными, безъ большихъ словъ, безъ стихотворческихъ сравненій, безъ продолжительныхъ поученій; вотъ каковъ онъ долженъ быть. Я не говорю, чтобъ комедія не могла иногда возвышать голосъ; но въ самыхъ большихъ своихъ смѣлостяхъ не должна она забываться; и должна быть всегда тѣмъ, что она есть. Естьли бы дошла она до трагическаго, тогда бы прешла свои предѣлы, и слѣдовательно были бы въ ней видимые пороки а не красоты.

О СВОЙСТВАХЪ СЛАВНѢЙШИХЪ КОМИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Аристофанъ.

Свойство Аристофановыхъ комедій совершенно сообразуется со вкусомъ народа и Автора.

Народъ Аѳинскій былъ тщесла-

венъ, непостояненъ, развратенъ, непочтителенъ къ богамъ, наглъ, злобенъ, и скорѣе готовъ смѣяться какой нибудь наглости, нежели употребить въ свою пользу спасительную истинну. Аристофанъ безъ труда предался вкусу общества, для коего онъ писалъ. Онъ былъ Сатирикъ по злости, безчиненъ по развращенію нравовъ, безбоженъ по правиламъ и по вкусу, сверхъ же того снабженъ былъ нѣкоторою веселостію воображенія, которая внушала ему сіи безумныя мысли, сіи странныя иносказанія во всѣхъ его сочиненіяхъ, и кои иногда служатъ имъ основаніемъ. Онъ не дѣлаетъ никакого различія между богами и человѣками. Онъ смѣшиваетъ боговъ какъ съ вельможами, такъ и съ подлостію. Онъ еще болѣе учинилъ; онъ смѣшалъ разные роды естествъ, и настроилъ уродовъ. Онъ одѣвалъ людей птицами, осами, лягушками, облаками, изобрѣтая, съ помощію сумазброднаго воображенія своего, маски

и одѣжды, изъ коихъ однѣ были страшны, а другія смѣшны, сіе то заставило его писать слогомъ, столь же странымъ и чрезвычайнымъ, каковы были и сами Актёры, для коихъ слова были сочинены.

Въ то время не до того еще было, чтобъ выбирать характеры и выдерживать оные. Отецъ говоритъ у себя такъ, какъ сынъ, сынъ такъ, какъ отецъ, Господинъ какъ слуга, слуга какъ Господинъ, боги какъ человѣки, человѣки какъ боги; иногда высокъ, иногда низокъ и всегда безъ правилъ: часто старался разсмѣшить болѣе подлую чернь, нежели Сенаторовъ и честныхъ людей. Все у него состоитъ въ Сатирическихъ чертахъ, въ отношеніяхъ, въ иносказаніяхъ, въ шутовствахъ, непристойныхъ шалостяхъ; но все сіе однако же произходитъ съ великою живостію и умомъ.

Плавтъ.

Римляне дѣлали уже покушенія въ комедіи прежде, нежели узнали

они Грековъ. У нихъ были историки, скоморохи, шуты, кои забавляли чернь. Но сїе было только грубое начертанїе послѣдующаго. Ливїй Андроникъ, родомъ Грекъ, показалъ имъ комедїю таковою, какъ была она тогда въ Аѳинахъ, то есть имѣющая Акторовъ, дѣйствїе, узелъ и развязку, то есть главныя необходимыя части. Что касалося до выраженїя, то оно необходимо занимало отъ грубости Римскаго народа, которой тогда ни чего не зналъ, кромѣ войны и оружїя, и у коихъ увеселительныя позорища были съ начала ни что иное, какъ нѣкоторой родъ сраженїя на ругательствахъ. Андронику послѣдовалъ Невїй и Еннїй, кои болѣе и болѣе выработывали и вычищали театръ Римскїй, равно, какъ и Пакувїй, Цецилїй и Аттїй. Наконецъ возникли Плавтъ и Теренцїй, кои возвели Латинскую комедїю столь высоко, сколько когда либо была она у оныхъ.

Плавтъ, давшїй комедїю въ Римѣ

непосредственно послѣ сатиръ, кои были игрища смѣшанныя съ грубостьми и мерзостями, былъ принужденъ пожертвовать владычествующему вкусу. Надлежало нравиться, и число знатоковъ столь было мало, что когдабы онъ писалъ единственно для нихъ, то не писалъбы для публики. Родясь, подобно Аристофану, съ даромъ свободнымъ и веселымъ, всюды разсыпалъ онъ соль и шутку; но въ драмахъ его находится однако же, нѣкоторой остатокъ ржавчины предшедшаго вѣка. Есть у него невкусныя шутки, шутовства, игры словъ. Слухъ же сверьхъ того въ его время не очень былъ разборчивъ и нѣженъ; и стихи его смѣшаны безъ порядка, всякаго рода и всѣхъ мѣръ. Но сіи два недостатка не препятствуютъ почитать его первымъ изъ Латинскихъ комиковъ. Все у него исполнено живости и огня. Умъ легкій, богатый, естественный, снабжаетъ его всѣмъ нужнымъ, пружинами, для составленія узловъ и для

развязокъ, чертами, мыслями, для образованія его дѣйствующихъ лицъ, выраженіями сильными, или мягкими, смотря по свойству мыслей и чувствій. Сверьхъ всего сего, онъ имѣетъ тотъ оборотъ ума, которой составляетъ прелесть комедіи, которой разсыпаетъ видъ посмѣянія на вещи; сіе дарованіе имѣлъ и Аристофанъ въ вышшей степени. Выключая Афмипіріона, у него всегда находилися люди и приключенія человѣческія съ правдоподобными ихъ характерами, и нѣтъ ни какихъ странностей, коими Греческій комикъ изобилуетъ. Жаль только, что писатель столь забавный, столь замысловатый и столь пріятный, столь мало извѣстенъ нашимъ молодымъ людямъ. Можно бы имъ показывать большіе изъ онаго отрывки, не опасаясь тѣмъ оскорбить нравы.

Теренцій.

Теренцій совершенно отличенъ отъ Плавта. Комедіи его суть ни что иное, какъ картины гражданской

жизни. Картины, въ коихъ предметы изображены со вкусомъ, расположены съ искуствомъ, и описаны съ красотою и прiятностiю. Будучи всегда пристоенъ, смѣется онъ съ умѣренностiю и скромностiю, и боязнь, дабы не преступить предѣловъ, удерживаетъ его по сю сторону границъ. Нѣженъ, вѣжливъ, учтивъ, прiятенъ, недостаетъ ему только свойства образующаго совершеннаго комика. Драмамъ его во многихъ мѣстахъ недостаетъ ужасныхъ произшествiй, чтобъ быть трагедiями, и важности, чтобъ быть героическими. Творенiя его составляютъ родъ драмы средственной между комедiею и трагедiею.

Молïеръ.

Жанъ Баптистъ Покелень, столь извѣстный и славный подъ именемъ Молiера, возникъ наконецъ во Францiи. Онъ старался соединить въ себѣ свойства Теренцiя и Плавта, во многихъ мѣстахъ въ томъ успѣлъ, соглядая безпрестанно природу, и от-

нося къ искуству своему всѣ положенія и всѣ выраженія, образующія страсти; онъ описывалъ тѣлодвиженіе, голосъ, и нарѣчіе всѣхъ чувствій, коимъ человѣкъ подлежитъ во всѣхъ званіяхъ и во всѣхъ состояніяхъ. Шествуя по стопамъ древнихъ, описалъ онъ дворъ и городъ, природу и нравы, пороки и смѣшные недостатки, со всею прелестію Теренція и пылкостію Плавта. Въ Характерныхъ его комедіяхъ, какъ на примѣръ: *Мизантропъ*, *Тартюфъ* или Лицемѣръ, *ученыя женщины*, онъ есть Философъ и несравненный Живописецъ. Во всѣхъ сихъ піесахъ находится гибкость, тонкость и богатство ума, коимъ мало изъ древнихъ подали ему примѣръ.

Кажется, что Моліеръ избралъ изъ отличныхъ въ семъ родѣ писателей ихъ превосходныя свойства, дабы составить изъ нихъ неподражаемое и особое дарованіе. Изъ Аристофана взялъ онъ комическое, изъ Плавта огонь и живость, а отъ Теренція нравоописа-

ніе. Болѣе перьваго естественен, болѣе другаго кроток и пристоен, болѣе третьяго дѣятелен и жив, и болѣе всѣх трех богат вымыслами, красноречив и поучителен. Может быть ни чьи комедіи в совершенствѣ с его не равняются. Он имѣет свои пороки, в сем я признаюсь, как напримѣр, он не часто счастлив в своих развязках; но совершенство сея части совсем необходимо, а особливо в характерных комедіях, так, как необходимо оно в трагедіях. В трагедіи развязка имѣет вліяніе на всю піесу: естьли она несовершенна, то и трагедія неуспѣшна, Но когда скупой Гарпагон уступает свою любовницу, чтоб возвратить свою шкатулку; то сія есть только черта скупости, без которой бы комедія не менѣе могла держаться.

Послѣ Моліера славнѣйшіе комики были во Франціи Реньяр и Детуш. Перьвый имѣет такія піесы,

кой бы Молїеръ не устыдился себѣ присвоить. Второй въ особливости славенъ силою своихъ характерныхъ комедій.

Прочїя Европейскїя нацїи имѣютъ также свои театры; но можетъ быть ни одинъ не равняется съ театромъ Французскимъ. Вотъ какая между ими разность.

Италїянцы гораздо менѣе успѣшны въ трагедїяхъ, нежели въ комедїяхъ, кои они полагаютъ въ тѣлодвиженїяхъ, въ гибкости тѣла, и въ связяхъ довольно разнообразныхъ и забавно представляемыхъ.

Гишпанцы противны въ семъ Италїянцамъ, и по свойству ихъ нацїи обыкновенно они въ сочиненїяхъ своихъ важны. Они по большей части называютъ свои пїесы героическими комедїями, въ коихъ дѣйствуютъ Цари и Принцы, что есть нарушенїе правилъ; ибо комедїя должна ограничивать себя представленїемъ нравовъ частныхъ людей. Въ прочемъ, они

превосходны въ стихотворческихъ ихъ вымыслахъ.

Агличане имѣютъ также хорошіе театры и богатыя украшенія; но ни Актёры ихъ, ниже стихотворцы не стараются прилѣпляться къ правиламъ въ трагедіяхъ своихъ; часто они заставляютъ по очередно то плакать, то смѣяться. Однако же Аглинской театръ хотя и не такъ правиленъ, какъ Французской, но имѣетъ особыя свои прелести; имя ихъ Шекспира достойно безсмертія.

Драматическія Нѣмецкія поемы еще менѣе правиламъ подчинены.

Россійскій театръ почти невѣроятно возвысился въ послѣдніе годы. Мы имѣемъ уже нѣсколько и такихъ оригинальныхъ драмъ, кои ни въ чемъ не уступаютъ Моліеровымъ.

О ВКУСѢ.

Вкусъ вообще есть подражаніе природѣ, когда возмешь ее саму по себѣ, и видишь ее въ отношеніи ея съ нами. Природа же будучи разсматриваема сама по себѣ, представляетъ намъ красоту. Въ отношеніи же съ нами являетъ она доброту. Я называю красотою тотъ родъ красоты, которая въ особливости дѣйствуетъ надъ умомъ; добротою же называю ту красоту, которая наиболѣе занимаетъ сердце.

Говорятъ, что прекрасная природа должна быть образцомъ художниковъ: сіе есть правило глухое, которое не постановляя въ чемъ состоитъ сія подражательная красота, оставляетъ вопросъ сей нерѣшимымъ. Не состоитъ ли она въ предметахъ, имѣющихъ пріятное свойство? Нѣтъ описаніе безплоднаго поля нравится такъ же, какъ описаніе луга испещреннаго цвѣтами. Не состоитъ ли она въ предметахъ совершенства? Нѣтъ! Зрѣлище

Силы, которой щитаетъ дни свои лютостями, нравится такъ, какъ и зрѣлище Тита, коего всѣ минуты были толикое же число благотворений. Не состоитъ ли она въ предметахъ благородныхъ? Нѣтъ, изображеніе пресмыкающагося насѣкомаго по болотамъ нравится такъ же, какъ описаніе орла парящаго къ солнцу. И такъ не красота естественная составляетъ красоту художествъ; но сношеніе предметовъ, въ дѣйствіе кое произвести желаешь.

Дѣйствіе, предполагаемое вкусомъ, состоитъ въ томъ, что бы нравиться. Но перьвый способъ нравиться, не есть ли истинна, которая объемлетъ вымыслъ. Естьли умъ не видитъ истинныхъ дѣяний, то по крайней мѣрѣ имѣетъ удовольствіе видѣть дѣянія правдоподобныя. Будучи даже влекомъ очаровательностію слога, онъ удостовѣряетъ себя, что дѣйствительно они въ глазахъ его происходятъ.

Недовольствуясь тѣмъ, чтобъ только снабжать матеріялами, природа научаетъ сверьхъ того, какъ ихъ располагать. Сей порядокъ состоитъ въ приличномъ расположеніи частей для составленія цѣлаго. Надлежитъ ихъ привязывать одну къ другой, разнообразить, но столь устройно, чтобъ сія разнообразность ничего противнаго не представляла. Слогъ сильный, которой бы послѣдовалъ вдругъ за слогомъ дидактическимъ, показался бы противенъ. И такъ красота произходитъ отъ истины, снабжающей матеріялами; отъ порядка ихъ устроивающаго, и отъ соразмѣрности ихъ распредѣляющей.

Доброта состоитъ изъ честности, которая служитъ ей основаніемъ, отъ полезности составляющей ея существо, и отъ пріятности, которая содѣлываетъ ея украшеніе. Сіе-то составляетъ вкусъ твердый и неизмѣнный.

Есть еще красота и доброта про-

извольная, зависитъ она во первыхъ отъ выбора матерій, сіе-то составляетъ красоту физическую. Большое число бытій представляются разнымъ народамъ подъ разными видами и подъ разными цвѣтами. И такъ художнику должно угождать предразсудкамъ: онъ долженъ изображать Венеру бѣлою въ Европѣ, и черною въ Африкѣ; тонкій станъ въ Италіи, дородный въ Азіи; онъ долженъ учиться обычаямъ; не одѣвать дикаго въ драгоцѣнную одежду, ни человѣка просвѣщеннаго и свѣтскаго въ кожи дикихъ звѣрей; онъ долженъ примѣчать порядокъ временъ, и отъ начала свѣта Адамъ не услышитъ, что адскія ополченія имѣли пушки и батареи (*); онъ долженъ справляться съ обыкновеніями, и дабы подать понятіе о прекрасномъ лугѣ человѣку, обыкшему жить подъ яснымъ небомъ, онъ употребитъ всѣ богатства стихотворства, вмѣсто того, что для жителей

(*) Поема Мильтонова, потерянный рай.

Алпійскихъ горъ довольно будетъ описать долину, покрытую испещренною муравою, отъ мѣста до мѣста, и разсыпать по оной нѣкоторыя цвѣты.

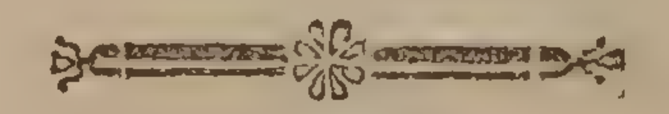
2. Отъ способа излагать матерію, сіе есть красота мысленная. Ни одинъ предметъ не подлъ по естеству своему; но случается, что въ нѣкоей землѣ предразсудокъ присоединяетъ подлое понятіе къ такимъ предметамъ, кои въ другой землѣ не имѣютъ ни чего, кромѣ благороднаго и пристойнаго. Омиръ, писавшій для вѣжливѣйшаго народа въ свѣтѣ, не думалъ тѣмъ оподлить своихъ воиновъ, чтобъ сравнивать ихъ съ животными, коихъ бы наша Поезія и назвать не осмѣлилась. Природа есть богатое поле въ пріятныхъ уподобленіяхъ. Но поелику климаты суть различны, то сравненія пріятныя одному народу, для другова не будутъ таковы. Подъ умѣреннымъ небомъ сравненіе Государя съ Солнцемъ, оживляющимъ всяческое, была бы лестная похвала; но сіе же самое сравненіе въ жаркомъ поясѣ учинилось бы горькою

сатирою, ибо тамъ Солнце спаляетъ и пожигаетъ поля. Красота метафоръ состоитъ въ справедливости. Находятся въ Поезіи такія, кои лишены сея пріятности. Сребро источника, для выраженія его ясности, багровость винограда, злато волосовъ, смѣющееся позорище долинъ, всѣ сіи изрѣченія метафорическія не противны вкусу, по тому, что обыкновеніе придало имъ силу закона.

3. Отъ различія нравовъ, свойства народовъ, обычаевъ, и свойства языковъ. Сія есть красота условленная. Каждая страна поставила правила, кои не зависятъ отъ естества вещей; но заемлютъ главное свое достоинство отъ обыкновенія. Сіи-то три вещи составляютъ красоту произвольную.

То, что прекрасно для народа военнаго, каковы напримѣръ были Римляне, не будетъ таково для народа торгующаго, какова напримѣръ была Карѳагена. То, что пріятно казалось для народа трезваго, каковы были Ла-

кедемоняне, противно было бы народу роскошному, каковы были Сивариты. Вотъ доброта произвольная. Предметъ доброты для какого либо народа состоитъ въ собраніи великаго числа вещей, для онаго занимательныхъ: но сіи мысли занимаютъ по мѣрѣ отношенія ихъ и сходства съ народнымъ свойствомъ. Человѣкъ чудится въ другомъ токмо тому, что самъ онъ въ душѣ имѣетъ.

МНѢНІЯ.

БОГОСЛОВЪ.

Мы должны возносить познанія наши до Вышняго Существа. Какая нужда намъ до свѣта, на коемъ мы единый токмо мигъ пребываемъ, дабы низвергнуться потомъ въ бездну вѣчности? Бренное строеніе тѣла возвѣщаетъ намъ, что промыслъ Божій пріуготовилъ другое существованіе. Знанія че-

логическія надмѣру маловажны, увеселяютъ продолжительное наше младенчество, и оставляютъ насъ задолго до разрушенія нашего бытія. Но познаніе Бога съ сего часа возчинаетъ блистательную нашу будущность. Сія тайная алчность къ безсмертію не сказуетъ ли намъ, что разрушеніе чувствъ нашихъ есть предѣлъ нашихъ бѣдствій.

НАТУРАЛИСТЪ.

Станемъ въ молчаніи почитать то, что Богъ поставилъ превыше нашего слабаго понятія. Небо исхищается отъ зрѣнія нашего, но земля обнажаетъ чудеса свои для возвѣщенія славы своего Создателя. Воззрите на раздраженную землю, изрыгающую изъ нѣдръ своихъ сіи пламенныя рѣки. Они воздымаютъ холмы, которыя рука времени охлаждаетъ, раздѣляетъ части ихъ, удобряетъ, между тѣмъ какъ море, медленно протекая окружіе шара, обнажаетъ вершины горъ, и со-

ставляетъ сіи острова, коими овладѣваетъ родъ человѣческій. Видимый богъ натуры воздымаетъ до извѣстной высоты воды, и когда даровалъ онъ поселянамъ довольно ясныхъ дней, то повелѣваетъ вѣтрамъ возвѣстить землѣ, что онъ готовится прохладить изсякшія нѣдра ея. Извѣщенныя о томъ животныя ищутъ спасительнаго убѣжища, лице небесъ измѣняется, облака низходятъ, вода раздѣляется, и напояетъ поля, не наводняя ихъ. Источники обогащаются, ручьи укрѣпляются, рѣки приспособляются къ потребностямъ человѣческимъ, поддерживаютъ внутреннюю торговлю, и дѣла природы сохраняются.

Философъ.

Щастіе мое есть во мнѣ. Земля мнѣ не принадлежитъ. Мысль есть мое отличительное свойство, съ нею то и чрезъ нее долженствую повелѣвать моими страстями и склонностями. Естьли достигну я учредить счаст-

ливый порядокъ между желаніями и нуждами моими, естьли разсудокъ мой возметъ надвластіе надъ страстями, тогда-то я прямо существую. Заткнувъ слухъ отъ очарованій роскоши, отъ повелительнаго гласа честолюбія, дѣлаю и самому Богу честь за его созданіе. Человѣкъ не на то рожденъ, чтобъ быть ему ученымъ, но быть мудрымъ. Разсудокъ есть его фаросъ; оный противится клеветѣ, или по малой мѣрѣ обуздываетъ стремленіе мести, отъ оныя возбуждающіяся, утишаетъ избытокъ чувствительности, услаждаетъ скуку безпристрастія, утушаетъ тайный огонь жаланій, пристыжаетъ алчность къ любостяжанію, и установляетъ въ страстяхъ нашихъ то равновѣсіе, которое есть ни что иное, какъ добродѣтель. Однимъ словомъ, Философъ *удуховляетъ утѣхи и очеловѣчиваетъ мудрость.*

ИСТОРИКЪ.

Умы гордые, вы мыслите обрѣсти въ самихъ себѣ путь ведущій къ

истиннѣ? Нѣтъ, нѣтъ, снидите къ той точкѣ, которую природа вамъ назначила. Отверзите завѣсу, скрывающую прошедшіе времена, среди политическихъ ошибокъ, невѣрныхъ рашетовъ, счастливыхъ злодѣяній, зрится узкая тропинка. Опытъ, стрегущій входъ въ оную, въ краткихъ словахъ научаетъ тѣхъ, коихъ въ нея впускаетъ. Сія мало протоптанная тропинка ведетъ ко храму посвященному успѣхамъ. Онъ ни съ которой стороны доступу къ себѣ не являетъ. Философъ теряется въ своихъ системахъ; Витія надмѣру уповаетъ на обаваніе краснорѣчія; Историкъ напоминаетъ дѣянія и молчитъ. Картины его наставляютъ всѣ возрасты, всѣ званія, и Цари, пораженные находимыми въ нихъ наставленіями, или укоризнами, отвращаютъ глаза и страшатся надмѣру вѣрной ихъ памяти.

ГРАЖДАНИНЪ.

Естьли отечество мое находитъ во мнѣ храбраго и усерднаго защит-

ника, естьли пріумножилъ я число чадъ его, естьли въ трудолюбивыхъ рукахъ моихъ стяжаніе отцовъ моихъ непретерпѣло ущерба, тогда небо, отечество и я не имѣемъ ни чего желать. Вмѣсто ума разсуждающаго, Богъ далъ мнѣ здравый смыслъ дѣйствующій; я ни чего не знаю кромѣ искуства быть полезнымъ и купно щастливымъ. Когда бурные вѣтры поразили громомъ жатвы мои, тогда не искалъ я причины сея опустошительныя власти, которая иногда раззорястъ всю вселенную, но я сказалъ самъ себѣ, что милующее провидѣніе не имѣетъ никогда недостатка въ вознагражденіяхъ. Естьли бы я и совершенно былъ забытъ въ раздѣленіи его щедротъ, то и тогда бы мнѣ осталось трудолюбіе. Оно вскорѣ прогоняетъ бѣдность, заботы и хлопоты, соединенныя съ прозьбами, кои часто бываютъ унизительны и безплодны.

ПОЛИТИКЪ.

Все блаженство человѣческое со-

стоитЪ вЪ соблюденіи вЪ общежитіи сего прекраснаго порядка, коему чудимся мы вЪ мірѣ звѣздномЪ. БогословЪ, дѣлающій доводы, НатуралистЪ примѣчающій, ФилософЪ созерцающій, ИсторикЪ сравнивающій, ГражданинЪ работающій, не возпретятЪ смѣшенію взаимныхЪ правЪ, изЪ коихЪ произтекаютЪ кровопролитныя распри и бѣдоносныя вспышки мщенія. Надобно такихЪ людей, кои бы наблюдали выгоды Государей, просвѣщали бы ихЪ вЪ намѣреніяхЪ ихЪ, умягчали бы ихЪ миролюбивыми совѣтами, или поддерживали бы ихЪ твердость, которую духЪ придворный безпрестанно поколебать стремится. ВЪ ихЪ то руки общество ввѣряетЪ стараніе о соблюденіи своемЪ; и общая безопасность истекаетЪ изЪ препятствій, кои Дворы Европейскіе возраждаютЪ на пути завоевателей, или Государей честолюбивыхЪ.

ВОЕННЫЙ.

Судьбы ЦарствЪ суть вЪ нашихЪ рукахЪ. Пренебреженный совѣтЪ, худо

избранное положеніе, можетъ покрыть кровью пространное поле. Политическая ошибка исправляется; но десять тысячь мертвыхъ не воскресаютъ. Излишняя строгость приключаетъ бѣгство, излишняя тихость разрушаетъ устройство, излишняя запальчивость подвергаетъ опасности, излишняя медленность утомляетъ побѣду. Политика есть добродѣтель слабыхъ. Назовите мнѣ хотя одно свойство, безъ коего бы Полководецъ могъ обойтися. Не должно ли, чтобъ онъ умѣлъ побѣждать и употреблять въ пользу успѣхи; чтобъ онъ былъ справедливъ, економъ, человѣколюбивъ, и купно почтенъ, страшенъ и любимъ? Наука, терпѣніе и трудолюбіе пріуготовляютъ людей къ другимъ званіямъ. Но природный даръ, великія свойства и опасности, пріуготовляютъ военнаго человѣка. Онъ тогда токмо великъ, когда природа одному ему дала то, что обыкновенно раздѣляетъ она между двадцати человѣками.

СБОРЩИКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ.

Неизчерпаемый источникъ одинъ токмо долженъ проносить во всѣ прочія части движеніе и способность. Чемъ содержать арміи? Чемъ сооружать и оснащать корабли, воздвигать и снабжать крѣпости? Мужество, сила и понятіе человѣческое никогда не истощатся: но Физическіе способы, казна вскорѣ ослабѣетъ, естьли какой благоразумный человѣкъ не найдетъ тайны поддерживать равновѣсіе между ввозимыми и вывозимыми потребностями. Отъ сего-то человѣка зависитъ блаженство цѣлаго народа. Безкорыстенъ, трудолюбивъ, перевороплтвъ, справедливъ; таковы должны быть его качества. Но они мало принесутъ ему пользы, когда онъ не будетъ знать противиться духу придворному, подгибать обстоятельства, и избавлять народъ отъ налоговъ, служащихъ токмо къ поддержанію роскоши и мнимой великости.

ЕКОНОМИСТЪ.

Ваши пособія не истощатся никогда, равно какъ и человѣческое понятіе, естьли вы станете прибѣгать къ кормилицѣ рода человѣческаго, то есть къ земледѣлію. Въ ея-то плодородныхъ нѣдрахъ покоится сѣмя всѣхъ благъ. Сіе поле, кое рука оратая покрыла нѣсколькими зернами, наполнитъ его житницы. Затрудненіе состоитъ не въ томъ, чтобъ налагать или собирать пошлины, но снабжать платящаго оныя способностію выполнять налогъ свой. Имѣются многія общества сборщиковъ; то для чего же бы не учредить общества Економистовъ? Развѣ не столь же необходимо размножать произведенія, какъ налагать на нихъ подати? Сюлли, Колбертъ и проч. не Економисты ли были?

КУПЕЦЪ.

Что будете вы дѣлать посреди сего изобилія, естьли дѣятельный духъ торговли не придетъ къ вамъ на по-

мощь? Когда бы люди были такъ благоразумны, чтобъ могли ограничивать потребности свои произведенiями страны ими обитаемой, тогда бы многiя земли могли обходиться безъ услужливыхъ старанiй торговли. Даже въ странахъ, къ полюсу приближенныхъ, употребляютъ тотъ бобъ, которой ростетъ на знойномъ жарѣ Солнечномъ (*). Мнимая нужда въ листкахъ, растущихъ въ Китаѣ (**) вооружила поселянъ Американскихъ. Виноградъ Шампанской и Бургонской напояетъ Сарматовъ и Татаръ.

ФАБРИКАНТЪ.

Торговля только тѣмъ снабжается и поддерживается, что выходитъ изъ рукъ досужества. Она-то оживляетъ ярчайшими цвѣтами руно стадъ, и шелкъ сихъ полезныхъ насѣкомыхъ, кои родятся, работаютъ и умираютъ. Люди, принимающiе безъ

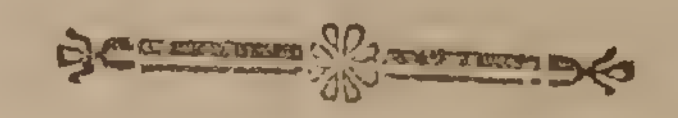
(*) Кофе.
(**) Чай.

разсмотрѣнія все то, что угодно писать острымъ умамъ безъ разсужденія, вопрошали, полезно ли имѣть въ Государствѣ фабрики. Я думаю, что скоро зададутъ вопросъ, выгодно ли имѣть луга для паствы стадъ, и рѣки для орошенія оныхъ.

ЮРИСПРУДЕНТЪ.

Вмѣсто того, чтобъ соединить способы, кои вы въ себѣ содержите, каждой изъ васъ старается только одержать верьхъ для своего дарованія; вы всѣ доказываете, что безъ правосудія ни какое общество держаться не можетъ. Оно-то есть повѣренный сей сокрытой власти, которая блюдетъ о прекрасномъ устройствѣ вселенныя. При ея гласѣ бодрость воздражается въ душѣ слабой, честолюбіе богачей колеблется, и родъ нѣкоего равенства утѣшаетъ несчастныхъ. Правосудный судія можетъ быть уподобленъ тому богу, коего Виргилій изображаетъ намъ подъемлющаго главу изъ бѣздны морскій;

для укрощенія бурь, заключенія вѣтровъ въ вертепы, и возвращенія спокойствія волнуемымъ водамъ.

О МАСЛАХЪ.

Масло есть стихія, составленная изъ атамовъ весьма тонкихъ и лѣтучихъ: оно входитъ наипаче въ составленіе горючихъ тѣлъ, твердыхъ и жидкихъ, тѣлъ ковкихъ, плавимыхъ, тѣлъ мягкихъ, жирныхъ и вязкихъ; тѣлъ душистыхъ и разцвѣченныхъ. И дѣйствительно примѣчается, что главнѣйшія свойства масла, суть его тонкость, горючесть, вязкость, плавимость, душистое его свойство, и способность оцвѣтивать тѣла.

Винный спиртъ есть наименѣе вязкій и наименѣе жирный изъ всѣхъ горючихъ жидкостей; однакоже въ немъ удобно примѣчаются масляныя волокна, когда смѣшаешь его съ водою; естьли же смѣшаешь его съ ка-

кою либо кислою солью, то онъ удобно составляетъ грубое и вязкое масло. Мы должны еще примѣтить, что безъ всякаго основанія вѣрятъ многіе, что вязкія тѣла незгараемыя не содержатъ въ себѣ ни сѣры, ни горючаго масла. Не содержатъ ли въ себѣ жирныя земли смолистаго масла? Жидкости липкія, негорючія, не даютъ ли изъ себя, посредствомъ перегонки, много згараемаго масла, наипаче когда они бываютъ высушены и приведены въ смолу? Я бы могъ привести, есть-ли бы то было нужно, многіе сему подобные примѣры, изъ коихъ бы усмотрѣли, что всѣ вязкія тѣла незгараемыя не лишены горючаго масла: и такъ не можно навѣрное сказать, что масляность ихъ не зависитъ отъ такого начала, которое купно способно и къ вязкости и къ горючести, и которое учиняетъ нѣкоторыя тѣла только вязкими, а другія только горючими.

Ето свѣтъ отражаемый тѣлами, которой производитъ въ насъ ощуще-

нія всѣхъ различностей въ цвѣтахъ, кои думаемъ мы видѣть въ самыхъ тѣлахъ.

Атомы стихійныя суть столь тонки, столь убѣгательны, что не могутъ онѣ, будучи отдѣлены другъ отъ друга, отражать довольно свѣта, чтобъ быть видимыми, или производить какое либо ощущеніе свѣта: но только будучи соединенными, могутъ онѣ составлять цвѣтныя тѣла; но почти всѣ сіи тѣла составлены изъ разныхъ стихій; кажется, что не можно отнести цвѣтовъ ихъ ни къ одной стихіи особо; однѣ только земля и вода могутъ каждая отдѣленно составлять изъ соединенія своихъ атомовъ видимыя тѣла; но атомы водныя составляютъ токмо тѣла прозрачныя и свѣтлыя, а земляныя, пыловатыя груды, кои не имѣютъ инаго цвѣта, кромѣ бѣлизны тусклой: но, бѣлизна не отъ чего инаго произходитъ, по опытамъ Физическимъ, какъ отъ великаго количества свѣта отра-

женнаго смѣшенно: того ради Физики думаютъ, что по строгости судя, не должно полагать бѣлизны въ числѣ цвѣтовъ. Они почитаютъ ее единственно свѣтомъ, ослабленнымъ отъ отражанія, и которой отражаясь, не превращается ни въ какой цвѣтъ; ибо подъ словомъ цвѣтъ, разумѣется свѣтъ отраженный, и такимъ образомъ образовавшійся, что онъ не приключаетъ болѣе простаго ощущенія свѣта яркаго, какъ тотъ, которой отражается свѣтлыми тѣлами, или ослабленнаго, каковой отбрасывается отъ бѣлыхъ тѣлъ. Черный, которой есть ни что иное, какъ отсудствіе цвѣтовъ, также въ числѣ оныхъ не полагается.

Вода, которая блестяща, и стихійная земля, которая бѣла, не суть слѣдовательно тѣла цвѣтныя. Можно то же самое замѣчаніе учинить и о началѣ металлическомъ, ибо ртуть, изобилующая симъ началомъ, есть бѣла и блестяща. Еѳиръ, или огонь есть самое вещество, какъ перво-

начальнаго свѣта, такъ и превращеннаго въ цвѣты. Прозрачная громада воздуха, насъ окружающаго, кажется имѣетъ голубой цвѣтъ; но сія громада нечиста. И такъ сей цвѣтъ не единственно отъ атомовъ воздуха зависитъ. Мы не знаемъ видимыхъ тѣлъ, составленныхъ единственно изъ стихїйнаго масла, или единственно изъ стихїйной соли; сїи двѣ стихїи, кои составлены только изъ атомовъ невидимыхъ, не могутъ слѣдовательно дать ни какого цвѣта, когда они несложны. Ощутительныя соли, кои кажутся намъ чистѣйшими, не изъ одной стихїйной соли состоятъ, вода и земля, въ оной господствующїя, учиняютъ сїи соли бѣлыми и блестящими. И такъ отнюдь не кажется, чтобъ соль, вода и стихїйная земля могли бы составить вмѣстѣ цвѣтныя тѣла; мы почти убѣждены по наблюденїямъ, и по всѣмъ Химическимъ опытамъ, что нѣтъ цвѣтныхъ тѣлъ, кромѣ тѣхъ, въ

составъ коихъ входитъ масло. Однако же тѣла, снабженныя масломъ, не всѣ цвѣтны: камфара, содержащая большее количество онаго, бѣла; винный спиртъ столь же блестящъ, столь же прозраченъ, и столь же безцвѣтенъ, какъ и простая вода: изъ чего довольно ясно видно, что атомы масляныя не суть только однѣ начала, или причина цвѣтности тѣлъ, и что цвѣты раждаются отъ соединенія сихъ атомовъ съ другими стихіями. По сей-то причинѣ прозрачныя тѣла могутъ пріобрѣсти всякаго рода цвѣты, естьли въ составъ ихъ примѣшаешь масляныхъ веществъ. Напримѣръ стекло, которое есть блестяще и прозрачно, принимаетъ различные цвѣты, смотря по различнымъ веществамъ, снабженнымъ маслами, кои сплавляются съ онымъ. Симъ-то образомъ подражаютъ всѣмъ драгоцѣннымъ камнямъ, какъ темнымъ, такъ и прозрачнымъ, и разнымъ ихъ родамъ, смѣшивая съ стекловатыми веществами минеральныя,

металлическія и животныя, удобныя выдержать дѣйствіе огня во время превращенія въ стекло.

Изъ сихъ подробностей можно довольно усмотрѣть, что цвѣты тѣлъ происходятъ отъ различныхъ смѣшеній маслъ съ прочими стихіями; но въ числѣ сихъ смѣшеній есть такія, кои можно назвать первоначальными, а другія вторительными; потому, что сіи послѣднія составлены изъ первыхъ. Сихъ первоначальныхъ смѣшеній находится три: каждое изъ нихъ производитъ одинъ изъ первоначальныхъ или стихійныхъ цвѣтовъ: три стихійные цвѣта, произходящіе отъ сихъ трехъ первоначальныхъ смѣшеній, суть *красный*, *синій* и *желтый*. Всѣ же прочіе цвѣты могутъ быть составлены изъ смѣшеній сихъ трехъ цвѣтовъ, то есть изъ смѣшенія сихъ трехъ простыхъ веществъ, изъ коихъ бы одно было *красное*, другое *синее*, а третье *желтое*; но надлежитъ, чтобъ сіи вещества содержали въ себѣ не

весьма обнаруженные соли, кои могли бы дѣятельностію своею разрушить цвѣтящее смѣшеніе каждаго изъ тѣхъ веществъ, кои посредствомъ смѣшенія своихъ стихійныхъ цвѣтовъ могутъ составлять цвѣты смѣшанные. Сіи вещества суть напримѣръ: *карминъ*, *кинозарь*, *минїумъ* и проч: для краснаго цвѣта. *Гумми гутъ* и проч: для желтаго, *индиго*, *подсолнечникъ*, *ультрамаринъ* и проч: для синяго.

Двѣ равныя части желтаго и синяго, смѣшанныя вмѣстѣ, даютъ цвѣтъ зеленый: изъ смѣшенія же сего смѣшеннаго уже цвѣта, то есть, изъ зеленаго съ синимъ, въ такомъ же количествѣ выйдетъ цвѣтъ селадоновой; и тотъ же самой цвѣтъ произойдетъ, когда къ тремъ частямъ синяго приложишь одну часть желтаго: смѣшавъ одну часть синяго съ четырью частями краснаго, получишь цвѣтъ кармазинной и проч. естьли же въ сію смѣсь подложить черного или бѣлаго, то они послужатъ только къ

учиненію цвѣтовъ блѣднѣйшими или темнѣйшими, вотъ все дѣйствіе сихъ послѣднихъ; и никогда они не произведутъ цвѣтовъ отличныхъ отъ тѣхъ, кои происходятъ отъ смѣшенія различнаго трехъ первоначальныхъ или стихійныхъ цвѣтовъ.

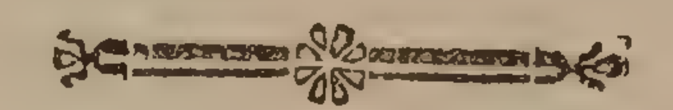
Сіи смѣшенія довольно доказываютъ, что находится только три первоначальныхъ цвѣтовъ, кои происходятъ отъ трехъ родовъ смѣшенія масляныхъ атомовъ съ другими стихіями.

Но не должно думать, чтобъ разнообразность цвѣтовъ зависѣла всегда отъ цвѣтныхъ веществъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ по извѣстной соразмѣрности; ибо не зависимо отъ сей смѣси, можно превратить безцвѣтными веществами стихійныя смѣшенія, кои даютъ простыя и сложныя цвѣты; напримѣръ кислая соль, неимѣющая никакого цвѣта промѣняетъ въ красной цвѣтъ, синій цвѣтъ

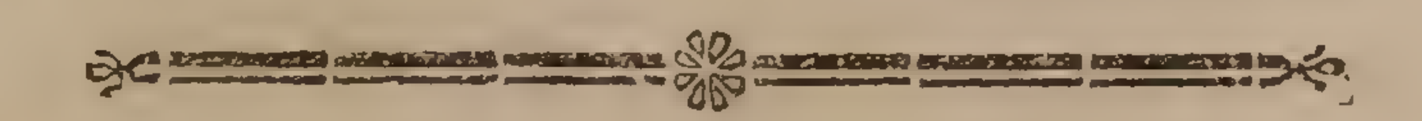
подсолнечника, и въ пурпуровый цвѣтъ фіолетовый цвѣтъ фіялковаго сиропа. Щелочная же соль, такъ же цвѣта лишенная, премѣняетъ сей самый фіолетовый цвѣтъ въ зеленый.

Мы могли бы привести много еще иныхъ примѣровъ, доказывающихъ, что цвѣты, произходящіе отъ смѣси разныхъ цвѣтныхъ веществъ, не зависятъ отъ цвѣтовъ сихъ самыхъ веществъ. Однако же смѣшанные цвѣты, употребляемые живописцами довольно обыкновенно произходятъ отъ цвѣтовъ простыхъ, кои имѣютъ смѣшиваемыя ими цвѣтныя вещества; но цвѣты красильщиковъ и финифтяные зависятъ большею частію отъ весьма различныхъ смѣшеній; они не составлены непосредственно изъ цвѣтовъ, кои имѣютъ смѣшанныя вещества; они раждаются отъ новыхъ смѣшеній стихійныхъ, кои произходятъ отъ различныхъ веществъ, употребляемыхъ красильщиками и финивщиками.

Различныя положенія поверьхности тѣлъ, противъ лучей Солнечныхъ производятъ разныя цвѣты; свѣтящіеся цвѣты тканей и прочихъ цвѣтныхъ и блестящихъ тѣлъ производятъ ту разнообразность цвѣтовъ, смотря потому, сколь прямо или косвенно упадаютъ лучи на поверьхность сихъ тѣлъ.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНIЕ ПЕРЬВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

РАЗНЫЯ ЛѢКАРСТВА ОТЪ ОЖОГИ И ОПАРЫ.

I.

Возми луковицу, и испѣки на огнѣ. Когда она поспѣетъ, то сотри ее хорошенько и сдѣлай изъ нее родъ мази, которой и приложи къ обожженному мѣсту. Между тѣмъ, какъ она будетъ пѣчься, то разрѣжь одну луковицу на два или болѣе кусковъ; немного истолки и приложи къ больному мѣсту до тѣхъ поръ, пока другая поспѣетъ.

2.

Возми сѣраго мыла, наскобли его:

и положи сихъ стружекъ къ обожженному мѣсту; и натри онымъ тряпку, которую приложи съ верьху, то скоро исцѣлишься. Я видалъ ожоги, причиненные кипящимъ жиромъ, излѣченные почти въ одинъ часъ, когда натерли ихъ гораздо мыломъ, и смочили простымъ уксусомъ.

3.

Натри обожженное мѣсто водкою, потомъ приложи тряпку, въ ней намоченную.

4.

Для исцѣленія ожоги, опары, или опаленія порохомъ, такъ, чтобъ никакого оныхъ знака не осталось: возми съ полтарелки коровьяго кала, и положивъ оной на сковороду съ саломъ борова; жарь все сіе вмѣстѣ, пока хорошенько смѣшается: потомъ выложи на тряпку, и держи надъ горшкомъ, въ которой дай стечь жиру, и храни его покрытымъ, пока понадобится. Сія мазь прикладывается къ ожогѣ теплая.

5.

Провачское масло и розовая вода взбитыя вмѣстѣ, и приложенныя къ обожженнымъ мѣстамъ, весьма полезны: надлежитъ обмакнуть въ оныхъ тряпку и прикладывать

6.

Опара, кипящею водою причиненная, и излѣченная въ десять дней, такъ, что ни какого рубца не осталось.

Изрѣжь унцію желтаго воска въ маленькіе кусочки, и растопи его въ четырехъ унціяхъ оливковаго или деревяннаго масла; брось туда два яичные желтка, испеченные подъ горячею золою, и мѣлко искрошенные; смѣшай все сіе гораздо на горячей золѣ, изъ чего и сдѣлается густая мазь, которой намазавъ холодной тонкій слой на тряпку, приложи поскорѣе къ обожженному мѣсту; перемѣняя по два раза въ день до совершеннаго исцѣленія.

7.

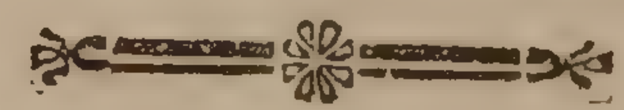
Свиной кипящій жиръ, накапанный

по каплямъ на лавровые листья, которые когда будутъ прикладываемы къ больному мѣсту, излѣчаютъ оное въ три дни, сколь бы оно велико и какимъ бы образомъ причинено не было: но знакъ останется.

8.

Лѣкарство отъ ожоги, разтопленною мѣдью причиняемую.

Хотя такова рода ожоги и весьма трудно лѣчить, но я предложу здѣсь превосходной отъ того способъ, многими опытами доказанный. — Натай снѣгу въ тѣни въ чистой посудинѣ; потомъ простудя сію воду, храни въ стеклянной плотно закупоренной бутылкѣ. Для употребленія же налѣй сей воды въ чашу, обмакни въ оную обожженное мѣсто, или потри оное легонько тряпкою, намоченною сею водою, и оставь тряпку на ранѣ, перевязавъ сверьхъ того обвязкой. Сіе должно повторять отъ времени до времени.

РАЗНЫЯ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАКА, ВЪ КАКОМЪБЫ ОНЪ МѢСТѢ НЕ ПРИКЛЮЧИЛСЯ.

I.

Вымывъ гораздо бѣлымъ виномъ зараженное сею ужасною болѣзнію мѣсто; посыпь на оное порошку, изъ корки гранатоваго дерева: ежели ракъ не застарѣлъ, то сказываютъ посредствомъ сего лѣкарства, онъ чрезъ сутки излѣчается.

2.

Возми цвѣтовъ и стволовъ дикаго пастернаку, истолки ихъ, и наподобіе пластыря прикладывай по утрамъ и вѣчерамъ къ больному мѣсту.

3.

Промывай ракъ по часту земляничною или кервельною водою.

4.

Посыпай порошкомъ, сдѣланнымъ изъ жерновокъ морскихъ раковъ.

5.

Сожги подошву старыхъ башма-

ковъ: и прежде, нежели она превратится въ пепелъ, истолки ее въ мѣльчайшїй порошокъ въ иготи. Простявъ сей порошокъ, присыпай онымъ ракъ.

Къ симъ лѣкарствамъ надлежитъ прибавлять потовые декокты, кровопусканїе и слабительныя, смотря по надобности, два раза въ мѣсяцъ.

ЛѢКАРСТВА ОТЪ УБОЕВЪ, а особливо ежели кто уладетъ съ высокаго мѣста.

I.

Возми большаго пѣтуха, которой бы имѣлъ большой гребень, отрѣжь ему ножницами не много гребня, подставь ложку подъ текущую изъ него кровь, и дай оную выпить больному: отъ сего онъ придетъ нѣсколько въ память. Отрѣжъ еще кусокъ отъ сего гребня, и дай еще випить ему вытекшую изъ него кровь. Повторяй сїе до тѣхъ поръ, пока гребень весь срѣ-

занъ будетъ. Сія кровь придастъ столько силы и бодрости ушибенному, что онъ въ состояніи будетъ снести перевязываніе полученныхъ имъ ранъ.

2.

Сырой яичной желтокъ, сбитый съ уксусомъ, препятствуетъ крови свернуться. Сей смѣси надлежитъ дать выпить упавшему.

3.

Естьли будетъ свернувшаяся или разлившаяся кровь; то ее можно изгнать, давъ принять больному полъунціи раковаго соку, смѣшаннаго съ четырьмя унціями бѣлаго вина.

4.

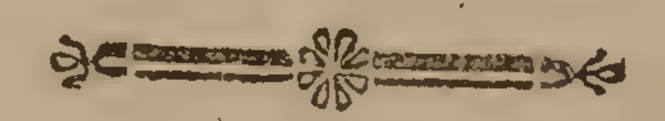
Дай упавшему принять золотникъ въ порошокъ истолченныхъ раковыхъ жерновокъ въ бѣломъ винѣ. Сіе лѣкарство предупреждаетъ всѣ припадки, слѣдующіе обыкновенно за сильнымъ паденіемъ; не только для мущинъ оно превосходно, но даже и для беременныхъ женщинъ.

5.

Естьли все тѣло упавшаго человѣка будетъ разбито; то сіе излѣчается въ скоромъ времени, естьли станешь больнаго окладывать тѣплымъ лошадинымъ каломъ.

6.

Весьма также полезное, и можетъ быть скорѣйшее къ исцѣленію средство состоитъ въ кровопусканіи, и въ пототворныхъ способахъ.

ЛѢКАРСТВА ОТЪ СУДОРОГИ.

I.

Совѣтуютъ подверженнымъ сею болѣзнію людямъ курить табакъ.

2.

Возми добрую горсть гроба травы, и столько же размариновыхъ верхушекъ; разогрѣй ихъ на жаровнѣ въ оловянномъ блюдѣ, прикладывай сколько можно теплыми на одержимое су-

дорогою мѣсто, и продолжай сіе лѣкарство, перемѣняя по утрамъ и по вечерамъ.

ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНАГО РОДА КОЛИКЪ.

Колика есть боль, чувствуемая болѣе или менѣе во внутренности. Поелику сія болѣзнь можетъ имѣть разныя причины, того ради и раздѣляется она на колику желчную, вѣтреную, мокротную, глистяную и проч.

Вѣтреная колика бѣгаетъ изъ одного мѣста въ другое, не причиняя ни малѣйшаго жара. Она часто приключается отъ твердыхъ мясъ, отъ сырыхъ плодовъ, или нѣкоторой зелени.

Желчная воспаляетъ внутренность, причиняетъ жаръ и постоянную боль около пупа; дѣлаетъ сильную жажду, безсонницу и частую рвоту. Люди сердитаго сложенія, и пьющія много крѣпкихъ напитковъ, или приправляющіе

кушанье большимъ количествомъ соли и пряностей, болѣе прочихъ оной подвержены. Когда рвота сопровождается икотою, бредомъ, или судорогами, то сiе часто предзнаменуетъ смерть.

Колика, произходящая отъ острой и ѣдкой мокроты, стягиваетъ внутренность и раздираетъ, такъ сказать, оную, пребывая всегда въ одномъ мѣстѣ, сопровождается небольшимъ жаромъ, жаждою, тошнотою и безсоницею.

Тѣ, кои ѣдятъ или пьютъ неумѣренно, или вдаются въ иныя крайности, и ведутъ жизнь домосѣдную, часто оной подвержены бываютъ.

Колика, произходящая отъ дурныхъ мокротъ и отъ глистянаго вещества, имѣетъ почти одинакiе признаки съ предъидущею.

Естьли во время колики покажутся на животѣ черные пузыри, величиною съ бобовое зерно, превратятся въ ранки и продолжатся два дни или болѣе; то сiе есть смертный знакъ.

Колика, продолжающаяся со рвотою, холоднымъ потомъ, и частою икотою, весьма опасна.

Въ жестокихъ коликахъ, при коихъ не бываетъ запора, можно съ успѣхомъ терѣть животъ дистилированнымъ можжевеловымъ теплымъ масломъ, или митридатомъ, въ уксусѣ распущеннымъ.

Лѣкарства отъ колоки вѣтреной.

I.

Возми руты, ромашки, маіорану, анису, тмину по равнымъ частямъ; и сколько надобно винограднаго вина. Вскипѣти все сіе въ кастрюлькѣ. Потомъ обмакнувъ въ сей взваръ Грецкую губку, или лоскутъ войлока, приложи въ прогорячь къ животу, когда простынетъ, то повтори и продолжай прикладывать столь горячо, сколько больной терпѣть можетъ. Естьли же больной приметъ внутрь нѣсколько сего лѣкарства, то тѣмъ скорѣе исцѣлится.

2.

Дай выпить больному пять унцій масла оливковаго или орѣховаго, или сладкоминдальнаго.

3.

Должно ставить клистиры изъ мяты, руты, мелилота, ромашки, лавровыхъ ягодъ или листьевъ и укропа; къ сему должно прибавить съ Грецкой орѣхъ величиною сырой сурьмы, и въ каждой клистиръ, кои надлежитъ часто повторять, надобно примѣшивать по четверти фунта орѣховаго масла.

Надмѣру изобильные клистиры не могутъ оставаться въ тѣлѣ, по причинѣ накопившихся въономъ вѣтровъ, и такъ лучше ставить ихъ въ меньшемъ количествѣ и чаще повторять.

4.

Естьли не взирая на сіе, колика будетъ продолжаться; то можно развести въ стаканѣ бѣлаго вина, унцію сухаго куринаго кала, или двѣ драхмы голубинаго или Индѣйскаго пѣтуха,

или волчьяго, и дать оное выпить больному, процѣдивъ его сквозь полотно, и примѣшавъ къ тому унцію сахару. Или дать проглотить въ яицѣ драхму сѣры въ порошкѣ, десятокъ перечныхъ цѣлыхъ зеренъ въ двухъ ложкахъ похлебки, или въ стаканѣ ромашковаго декокта; можно къ сему примѣшать двѣ драхмы коричневой воды, или виннаго спирта.

Лѣкарства отъ желчной колики.

1.

Дай больному двѣ унціи сладкаго миндальнаго масла, съ такимъ же количествомъ розоваго сиропа.

2.

Поелику клистиры суть вѣрнѣйшіе способы къ истребленію причины сея болѣзни, то наиболѣе къ нимъ должно въ такомъ случаѣ прибѣгать. Хотя они съ начала покажутся и недѣйствительными: но сіе не должно отвращать отъ продолженія оныхъ; ибо вскорѣ послѣ многократнаго упо-

требленія оныхъ боль уменьшается, хотя они и ни чего не извлекаютъ съ собою; но разводятъ мокроты, и приготовляютъ ихъ къ испражненію.

3.

Можно также прибѣгать и къ Химическимъ лѣкарствамъ: какъ напримѣръ минеральный хрусталь, отъ одного скрупула до драхмы. Купоросный спиртъ, сѣрный и селитренный усалажденные, отъ четырехъ до осми капель и проч.

Что касается до врачеванія колики, происходящей отъ острыхъ и ѣдкихъ мокротъ; то надлежитъ употреблять тѣ же самыя лѣкарства, кои предписаны отъ вѣтреной колики. Но естьли боль, не взирая на то, будетъ продолжаться съ жестокостію, то надлежитъ дать больному унцію сиропа изъ бѣлаго мака, или гранъ опіума; чего однако же не надобно давать не давъ прежде хорошаго слабительнаго, и не приготовя добрыми промывательными и кровопусканіемъ.

Лѣкарства простыя отъ всякаго рода коликъ.

I.

Возми сырой яичной желтокъ, смѣшай его съ ложкою доброй водки, немного разогрѣй, прибавь къ тому съ золотникъ сахару, и проглоти.

2.

Возми драхму или золотникъ виннаго спирта, полскрупула литрозанной селитры, и три унціи теплой воды, и дай сію смѣсь выпить больному, одѣвъ его потеплѣе. Ему вскорѣ сдѣлается потъ, и онъ почувствуетъ облегченіе.

3.

Трубная сажа, принятая съ уксусомъ, иногда въ одну минуту утоляетъ боль колики.

4.

Возми драхму сабуру, шесть грановъ шафрану, одинъ гранъ лавданумъ; и дай оныя больному, которой вскорѣ исцѣлится.

5.

Возми три лавровыя ягоды, истолки ихъ мѣлко, и всыпавъ въ рюмку бѣлаго вина, выпей.

6.

Возми полрюмки водки, и положивъ въ оную семь или восемь каплей солянаго спирта, выпей.

7.

Возми благословеннаго волчеца, (*) или маїорану; свари оной въ довольномъ количествѣ винограднаго вина; и сего взвару давай пить больному.

8.

Возми большихъ бобовъ, истолки ихъ крупно, и поджаривъ съ уксусомъ, приложи въ прогорячь къ животу больнаго.

9.

Возми пшеничныхъ отрубей, вскипети ихъ въ уксусѣ, и сдѣлавъ изъ того пластырь, прикладывай теплый къ пупу.

(*) Carduus benedictus.

10.

Дай больному выпить рюмку бѣлаго вина, въ которомъ размѣшай половину дубоваго жолудя, въ порошокъ истертаго.

11.

Персиковыя косточки, въ порошокъ истолченныя, и принятыя въ винѣ, или въ чемъ иномъ, весьма полезны отъ всякаго рода рѣзу въ животѣ.

12.

Вскипѣти въ водѣ капустныхъ листьевъ и стволовъ, и выпей сей взваръ теплый.

13.

Возми Грецкихъ орѣховъ съ ихъ скорлупою, и положивъ ихъ въ огонь, дай до половины згорѣть; потомъ положи ихъ въ тряпку, и приложи горячіе къ животу.

14.

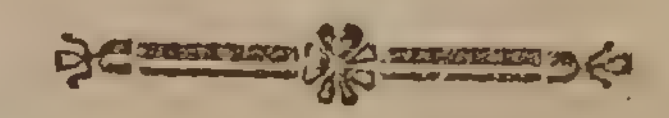
Возми водки, и разогрѣвъ оную, обмакни въ нее тряпку, и приложи теплую къ животу.

15.

Налѣй въ пупокъ двѣ или три капли виннаго спирта, и приложи сверьхъ того теплую салфетку.

16.

Брось четверть фунта сахару въ горшокъ молока, и поставь на огонь: потомъ истолки добрыя полгорсти персиковыхъ ядеръ, кои облупи въ горячей водѣ; но естьли бы болѣзнь не терпѣла времени, то употреби ихъ неочищенныя. Когда истолчешь ядры, то смѣшай ихъ гораздо съ двумя свѣжими яичными желтками, и брось ихъ въ молоко, когда оно закипитъ. Потомъ дай пить онаго больному горячее: ему должно лежать въ постелѣ.

О ГОРТАННЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

Отъ горькости.

Горькость во рту показываетъ изобиліе желчи; присудствіе дурныхъ мок-

ротъ въ желудкѣ, нежели несовершенное испорченіе соковъ, то по крайней мѣрѣ великое поврежденіе желчи. Сія горькость также часто бываетъ одна изъ признаковъ истерики.

Рвотное есть первѣйшее лѣкарство, къ коему надлежитъ прибѣгать. Потомъ употреблять такія, кои покажутся къ тому приличнѣйшими, смотря по причинѣ.

Дурной вкусъ въ роту.

Онъ происходитъ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, какъ и горькость сея части. Его должно пользовать тѣми лѣкарствами, кои удобны исправить свойство слюны.

Раны въ роту.

Младенцы болѣе взрослыхъ людей подвержены такимъ ранамъ: онѣ приключаются имъ отъ дурнаго и нездороваго молока; молодымъ же людямъ отъ ѣдкихъ мокротъ, изъ мозга упадающихъ, и кои по большой части происходятъ отъ паровъ же-

лудочныхъ, или соленыхъ мокротъ, отъ перегорѣвшей желчи, или отъ кипящей крови. Не надлежитъ пренебрегать сіи раны, дабы онѣ застарѣвъ не учинилися неизлѣчимыми.

Младенцовъ излѣчаютъ отъ сего перемѣнивъ кормилицу; или должно пустить ей кровь, дать слабительное изъ манны, и прохладить ее доброю похлебкою и яшнымъ взваромъ, или яблочнымъ. Надлежитъ такъ же очищать ротъ младенцу, навязавъ на палочку маленькую тряпочку, и обмакнувъ оную въ унцію розоваго меда, къ коему примѣшано немного лимоннаго соку, или семь или восемь капель сѣрнаго спирта, или купоросной соли.

Взрослымъ же людямъ надобно пускать кровь, и дать три или четыре раза слабительное. Раны же ихъ въ роту надлежитъ потрогивать, какъ выше сказано, сѣрнымъ, соляным, или купоросным спиртомъ.

Отъ дурнаго запаха въ роту.

1.

Полощи часто ротъ, а особливо по утрамъ свѣжею водою, подмѣшивая въ нее немного уксусу, или виномъ винограднымъ, въ которомъ бы вскипѣли анисъ и гвоздика.

2.

Жуй почасту мастику.

3.

Свари въ виноградномъ винѣ полыни съ лимонною коркою; храни сіе вино въ бутылкѣ: пей оное, и полощи онымъ ротъ каждое утро, такъ же послѣ обѣда и послѣ ужина.

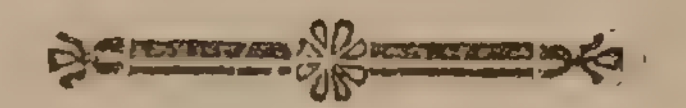
4.

Положи руты или анису, или зорнаго сѣмя, или мушкатнаго орѣха, или гвоздики, или розмарину, или корня дигильнаго, или миртовыхъ ягодъ, или алоеваго де

рева въ ротъ: и подержавъ въ немъ нѣсколько, выполощи оной послѣ бѣлымъ виномъ.

5.

Фіялковой корень весьма такъ же отъ сего хорошъ, естьли станешь его держать въ роту, или жевать.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ ПОЛЕЗНЫЯ ОТКРЫТІЯ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЯСЯ.

КАКЪ ДѢЛАТЬ ВЕНЕЦІАНСКОЕ СТЕКЛО.

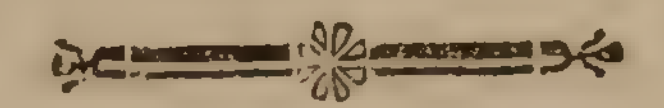
Набери чистаго бѣлаго хрусталю и битыхъ зеркальныхъ стеколъ, и положи въ желѣзное судно, раскаливая, а потомъ бросивъ въ наполненное водою блюдо, оно истрескается и распадетъ въ куски, тогда повтори сію работу еще нѣсколько разъ, покуда оно распадетъ въ самую мѣлочь, тогда истолки въ иготи, сотри на плитѣ, и храни для употребленія. Сіе стекло пригодно въ разныя китты и замаски.

О ПРІУГОТОВЛЕНІИ НЮХАТЕЛЬНАГО ТАБАКУ.

Надобно взять тотъ табакъ, которой имѣетъ длинные листья и узкіе, называемой Виргинскимъ. По выдерганіи изъ него стеблей, искроши и прибавь самое малое количество золы, три его сырой исподоволь, и отнюдь не скоро въ горшкѣ, и чтобъ не пригорѣлъ лучше въ деревянномъ суднѣ, по сотрѣніи просѣй сквозь сито не съ лишкомъ частое. Для смочки его ежели есть заготовленной вишневой листъ, то варится онъ въ водѣ, и сей отваръ къ тому употребляется, или простою водою изсуха; по изготовленіи симъ образомъ, берется фіялковаго корня на каждой фунтъ табаку по два золотника или болѣе, сей корень высушивается, искрошается, и перetалкивается въ иготи, и просѣвается мѣлко. Потомъ перемѣшивается съ тертымъ табакомъ, и ежели еще надобно, то онъ розовою водою, или гу-

ляфною смачивается. Наконецъ для приданія ему лучшаго запаху употребляется баргамотовое масло, на фунтъ табаку 1 или 2 капли, стираемые съ малымъ числомъ табаку въ горшкѣ, и хранится въ штофахъ или бутылкахъ, чтобъ не выдохся.

Густая Аглинская Вакса.

Растопи полфунта желтаго воску, и всыпавъ туда 2 унціи истолченнаго въ мѣлкой порошокъ краснова леденцу, столько же гумми драганту, распущеннаго въ маломъ количествѣ пива, и потребную препорцію Голландской сажи, размѣшай надъ жаромъ хорошенько, чтобъ всѣ сіи вещи съединились, и выливъ въ жестяныя формы, или въ холодную воду, употребляй помачивая не много.

Жидкая Аглинская Вакса.

Возми 4 унціи краснаго леденцу, 3 унціи перезженой слоновой кости, и

2 драхмы гумми драганту, истолки все сіе въ мѣлкой порошокъ, и налѣй на него нѣсколько воды, чтобъ леденецъ и драгантъ распустились. Давъ постоять 24 часа, прибавь туда 3 бутылки хорошаго густаго пива, и поставь на 3 сутки въ теплой комнатѣ, мѣшая часто составъ деревянною лопаткою, дабы несдѣлалось густой отстойки. Послѣ того поставя все то въ глиняномъ горшкѣ на огонь, и поваривъ четверть часа, простуди и сохраняй для употребленія.

Иначе.

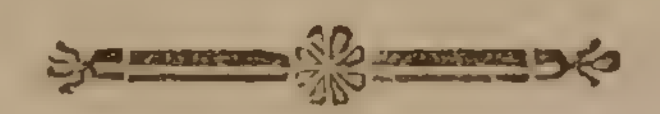
Взявъ двѣ унціи перезженой слоновой кости, и четверть фунта краснаго леденцу, истолки въ мѣлкой порошокъ, прибавь къ тому 1 унцію наскобленнаго крѣпкаго мыла, 2 унціи Голландской сажи и 6 личныхъ бѣлковъ, сбивай все то нагрѣвши четверть часа.

Иначе.

Взявъ двѣ унціи перезженой слоновой кости, и 1 унцію кра[illegible]

денцу, истолки мѣлко и вари полчаса въ бутылкѣ молока, или полпива.

Примѣчаніе. Вакса сія намазывается на кожу щепинкою подрѣзанною покорочѣ щоткою, и втирается ею до тѣхъ поръ, пока начнетъ довольно лосниться. Для приданія большаго глянца можно потереть нѣсколько лоскуткомъ сукна или другой какой шерстяной матеріи.

АГЛИНСКОЙ ПЛАСТЫРЬ.

Положи двѣ унціи лучшаго рыбьяго клея въ 8 унцій кипящей воды, и мѣшай безпрестанно до того времени, когда клей совершенно распустится, процѣди то сквозь чистую вѣтошку, и прибавя бутылку хорошей водки, передвоенной изъ хлѣбнаго вина, повари еще не много снимая безпрестанно пѣну. Для приданія лучшаго свойства сему пластырю, можно при-

бавить къ вышесказаннымъ вещамъ 1 унцію Коммандорскаго бальсама.

Не давъ остынуть составу, должно намазывать его на тафту большею кистью, или щеточкою. Проложивъ перьвый слой, должно дать высохнуть, потомъ положить другой, и наконецъ такимъ же образомъ и третій. При намазываніи наблюдать, чтобъ не было не распустившихся кусочковъ.

ПРИЗНАКИ О БУДУЩИХЪ ПОГОДАХЪ, ВЗЯТЫЕ ИЗЪ ДОСТОВѢРНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ.

По Солнцу.

Когда Солнце кажется блѣдно, къ дождю; чисто и ярко, къ доброй погодѣ; красновато къ вѣтру. Ежели оно при восходѣ видится болѣ обыкновеннаго, надобно ожидать дождя; а буде чисто и ярко сіяетъ, къ вѣдру; когда же красновато, или такъ велико,

какъ сквозь тонкой туманъ кажется или около его кругъ бѣлой или поле, къ дождю. Когда при восхожденіи Солнца видимой около его кругъ по малу изчезать станетъ, признакъ къ доброй погодѣ. Буде при восхожденіи Солнца лучи его красноваты или долги, или когда оно красноватыми облаками окружено, сильные вѣтры воспослѣдуютъ. Когда Солнечныя лучи мѣстами зеленоваты или блѣдноваты или черноваты, будетъ скоро дождь. Ежели около Солнца одинъ или больше круговъ ясныхъ и скороизчезаемыхъ, будетъ добрая погода; а многіе красноватые круги, къ вѣтрамъ, и чемъ они краснѣе, то бурнѣе вѣтры; буде оные круги мѣстами перерваны, притомъ густы и темноваты, будетъ холодной вѣтръ или снѣгъ. Ежели за темное облако зайдетъ Солнце при горизонтѣ, будетъ дождь; а буде при захожденіи же покажется близко Солнца темное облако, то либо въ ту ночь или на утро будетъ дождь. Ког-

да оно заходитЪ красновато, или нѣтЪ около его облаковЪ, то кЪ хорошей погодѣ; ежели же оно при восхожденіи видится разноцвѣтно, или облака около его водянаго цвѣта, кЪ дождю. Буде сЪ вечера пойдетЪ дождь, признакЪ непостоянной погоды. Ежели Солнце при захожденіи покажется какЪ сЪ огненными пятнами, знакЪ кЪ долговремяннымЪ вѣтрамЪ.

По Лунѣ.

Когда Луна блѣдна, кЪ дождю; чиста и ярка, кЪ вёдру; красновата или румяна, будетЪ вѣтрЪ или буря. Ежели Луна мутновата, кЪ дождю. Естьли по трехЪ дняхЪ отЪ новомѣсячія видятся Лунные рога тупы, то до конца той четверти будетЪ дождливая погода, а кЪ полнолунію умеренная. Когда Луна пяти дней, а рога ея тупы, кЪ дождю, а остры кЪ бурѣ; видимой же около ея красной кругЪ кЪ дождю и кЪ вѣтру.

По звѣздамъ.

Буде на чистомъ небѣ малыхъ звѣздъ не видно, то послѣдуетъ буря; въ которой сторонѣ кажутся звѣзды очень блестящія, оттуда жди вѣтра; а гдѣ онѣ видятся больше и яснѣе обыкновеннаго, оттуда ожидать сильныхъ вѣтровъ съ мокротою лѣтомъ, а зимою съ большими морозами. Звѣзды кажутся мутны и едва видны, къ дождю. Когда неясные звѣзды кажутся съ долгими огненными хвостами, то ожидай сильныхъ вѣтровъ и великихъ дождей. Ежели звѣзды мѣстами видимы, какъ стрѣляютъ своимъ свѣтомъ, будутъ переменные съ разныхъ сторонъ вѣтры. Буде же то дѣлается по всему небу, тогда ждать грому съ молніею и страшной бури.

По небу и облакамъ.

Ежели по утру небо румяно или красновато, конечно либо вѣтръ или дождь послѣдуетъ, либо вѣтръ съ

дождемъ, для того, что Солнце нагрѣвая пары, кои краснотѣ неба причиною, скоро ихъ разсыплетъ. Буде восходящаго Солнца закроетъ черное облако, то оно отъ жару скоро разойдется и претворится въ дождь; или ежели появится облако и по томъ пары къ нему отъ земли будто собирающіяся покажутся, знакъ къ дождю. Когда туманъ съ неба внизъ опускаясь ложится на землю, значитъ къ доброй погодѣ; а ежели съ вечера туманы отъ земли или отъ воды подымаются, наутро будетъ жаркой день. Мѣлкія высоко ходящія грядами къ Южно-западной сторонѣ облака, кои будто сходящіяся или расходящіяся кажутся, будутъ вѣтры и иногда вихри. Ежели вскорѣ по началѣ бури падетъ гряда дождя, то вѣтръ утихнетъ. Буде съ восхожденіемъ Солнца начнется буря, оная той же ночи утихнетъ. Когда же вода при началѣ бури очень станетъ пузыриться и рябить, штормъ недолго продолжится. Буде облака

идутъ низко, возвѣщаютъ холодную погоду, а густыя бѣлыя, и какъ башни, къ граду. Когда зимою по утру два или три дни сряду бѣлыя облака видятся, сіе значитъ стужу съ снѣгами, а темныя или черныя дождь. Красноватое небо въ вечеру, а утромъ сѣроватое, обѣщаетъ добрую погоду. По утру въ весеннее и въ жатвенное время ежели падаютъ туманы, или оныя стоятъ надъ прудами, или болотами, будетъ дождь. Среди лѣтняго дня оказавшееся въ верьху чистаго неба облачко, къ жестокой бурѣ.

По радугѣ.

Радуга всегда либо о минувшемъ дождѣ, либо о наступающемъ знаменуетъ. Когда она окажется ярка, къ ненастью. Послѣ дождя видимая радуга, къ доброй погодѣ. Что зеленѣе радуга, то больше дождя будетъ, а что краснѣе, то больше вѣтру. Когда она въ синеватой части очень свѣтла, будетъ добрая погода; буде ра-

дуга покажется въ часъ или въ два по полудни, то скоро будетъ дождь. Вечерняя радуга, знакъ пріятной погоды, развѣ въ воздухѣ влажность помѣшаетъ, а утренняя къ ненастью при пасмурномъ небѣ. Ночная радуга противъ Луны значитъ много мѣлкаго дождя, а по томъ вѣтры. Радуга послѣ продолжившагося дождя, всегда знакъ скораго вѣдра. Ежели двѣ радуги видны, то чрезъ два или три дни будетъ дождь.

Въ прибавокъ онымъ примѣчаніямъ Г. Фурнье повѣствуетъ въ своей Гидрографіи слѣдующее:

I. Ежели около Солнца есть бѣловатой кругъ, тогожъ дня будетъ великая буря. 2, при закатѣ или при восходѣ Солнца на горизонтъ, видимое красное облако есть знакъ съ той стороны вѣтра. 3, будe предъ восхожденіемъ Солнца видны красныя облака, или въ то время лучи его красноваты, ожидай сильнаго вѣтра.

4, когда заходящее Солнце обнесено синеватымъ или чернымъ кругомъ, признакъ жестокой бури. 5, восходящее Солнце кажется блѣдно къ дождю, а при захожденіи таково же, знаменуетъ оттуда вѣтръ. 6, красноватое при захожденіи Солнца признакъ, что сильные вѣтры нѣсколько дней продолжатся. 7, когда восходящее Солнце закрыто облаками, а лучи изъ заних къ верьху мечетъ, къ дождю; а буде тѣ лучи срединою проходятъ, будетъ буря съ дождѐмъ. 8, ежели облака идутъ со всѣхъ сторонъ, и собираются около Солнца, то признакъ жестокой бури. 9, ежели Солнце заходитъ за облака, на утро будетъ дождь; а буде при захожденіи же облака за нимъ слѣдуютъ, то ожидать сильныхъ вѣтровъ. 10, пятой день по новомѣсячіи почти всегда причиною сильной бури. 11, ежели Луны не видно до четвертаго дня по новолуніи при Южномъ вѣтрѣ, то погода будетъ бурна во весь тотъ Лунной мѣсяцъ.

12, Луна будучи въ бѣломъ кругѣ, къ дождю; а буде такихъ круговъ около Луны больше одного и съ перерывами, а сама красновата, будетъ вихрь. 13, когда море казаться станетъ черновато, и ежели при томъ усмотрится всюды расходящаяся пѣна, и вездѣ вдругъ волнуемое, и пузыри на водѣ покажутся, сіе признакъ жестокой и долговременной бури. 14, буде видны тюлени и морскія рыбы по водѣ играющія, надобно ожидать штормы. 15, когда ласточки низко лѣтаютъ, жди вѣтра съ дождемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ КУШАНЬЯ.

ОКОНЧАНІЕ О СОУСАХЪ.

ОСТРЫЙ СОУСЪ.

Положи въ кастрюльку двѣ хорошія щепотки хлѣбной корки, небольшой кусочикъ масла, полную столовую ложку Прованскаго масла, искрошеннаго шалоту, соли и цѣльнаго перцу, влѣй винограднаго или лимоннаго соку столько, чтобъ соусъ заправить, разогрѣй его, чтобъ онъ сгустился, помѣшивая ложкою. Сей соусъ можетъ служить скоромнымъ и постнымъ, съ разнымъ мясомъ, гдѣ нуженъ острый соусъ.

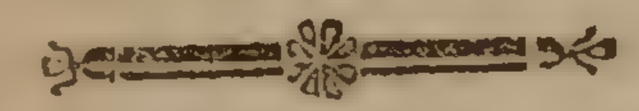
Другой соусъ,
служащій для дичины и дворныхъ птицъ.

Влѣй въ кастрюльку стаканъ бѣлаго вина, положи половину лимона, изрѣзаннаго въ ломтики, немного тертой лимонной корки, двѣ столовыя ложки Прованскаго масла, пучокъ петрушки, цибули, двѣ головки чесноку и немного хорошаго бульону, соли и цѣльнаго перцу; вари все вмѣстѣ на маломъ огнѣ четверть часа, потомъ сними жиръ и процѣди свой соусъ сквозь сито, употребляй его съ чемъ изволишь, съ дичью ли или съ дворными птицами.

Соусъ другимъ образомъ.

Положи въ кастрюльку ложку Прованскаго масла, хорошагожъ бульону, галенокъ бѣлаго вина, вари все вмѣстѣ, и дай гораздо упрѣть; потомъ

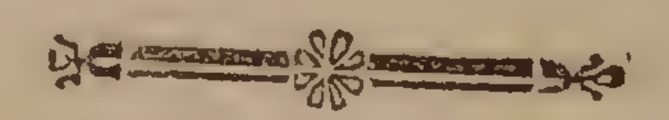
положи туда ешалоту, травЪ: брункресу, естрагону, кервелю, петрушки, цибули, немного чесноку, что все искроши весьма мѣлко, положи соли и цѣльнаго перцу, и поваря немного подавай, естьли же случится у тебя кулишь, то положи и его вЪ соусЪ; онЪ отЪ него еще лучше будетЪ. Сей соусЪ можетЪ служить тебѣ сЪ такимЪ мясомЪ, какое тебѣ заблаго разсудится.

РАВИГОТНОЙ СОУСЪ.

ВлѣйвЪ кастрюльку стаканЪ самаго хорошаго бульону, половину кофейной ложки уксусу, положи соли, цѣльнаго перцу, небольшой кусочекЪ масла, сЪ мукою растертаго, двѣ щепотки травЪ, сЪ саломЪ употребляемыхЪ, какЪ то: немного естрагону, кервелю, пемпернелю и проч. Повари немного сей травы вЪ водѣ, выжми ихЪ хорошенько и искроши весьма мѣлко, положи ихЪ

въ соусъ, и дай ему сгуститься на огнѣ; а послѣ употребляй его, куда заблаго разсудишь; естьлижъ положишь сіи травы не обѣливши ихъ, то надобно класть ихъ только половину. — Обѣливать травы, значитъ обваривать ихъ въ кипяткѣ.

ИСПАНСКОЙ СОУСЪ.

Положи кулишу въ кастрюльку, стаканъ хорошаго бѣлаго вина, столько же хорошаго бульону, пучокъ петрушки, цибули, двѣ головки чесноку, двѣ головки гвоздики, поллавроваго листка, щепоть кишнецу, двѣ ложки Прованскаго масла, одну луковицу, изрѣзавши въ ломтики, кореньевъ и половину пастарнаку, вари на маленькомъ огнѣ около двухъ часовъ; потомъ сними съ него жиръ, и процѣди сквозь сито, приправь солью и цѣльнымъ перцомъ, и употребляй во что заблаго разсудишь.

СУЛТАНСКОЙ СОУСЪ.

Влѣй въ кастрюльку галенокъ бульону, стаканъ бѣлаго вина, два ломтика лимону, снявши кожу, двѣ головки гвоздики, головку чесноку, пол-лавроваго листа, петрушки, цибули и луку. Вари цѣлые полтара часа на маломъ огнѣ, и дай гораздо упрѣть соусу, процѣди его сквозь сито; потомъ положи туда немного соли, цѣльнаго перцу, одинъ густой яишной желтокъ искрошивши, щепоть обѣленной петрушки и весьма мелко искрошенной, и подавай.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

ОПИСАНІЕ РЕВНОСТИ И РАЗЛИЧНЫХЪ РОЗРЯДОВЪ РЕВНИВЫХЪ МУЖЕЙ.

Разсмотрѣвъ письма отъ моихъ корреспондентовъ, нашелъ я многія, въ коихъ жены жалуются на неосновательную ревность своихъ мужей, и просятъ меня подать имъ о томъ какой нибудь совѣтъ. Я повинуюсь имъ тѣмъ съ большею охотою, что Маркизъ Галифаксъ, которой въ совѣтахъ своихъ, отца дочери, научаетъ жену, какъ должна она поступать съ мужемъ невѣрнымъ, распутнымъ, вспыльчивымъ, суровымъ, скупымъ, или глупымъ; но ни слова не говоритъ о мужѣ ревнивомъ.

Ревность есть скорбь, чувствуемая человѣкомъ, когда опасается онъ, что

не столько любимъ тою особою, которая есть единственный предметъ его желаній. Не возможно даже, чтобъ ревнивый совершенно излѣчился отъ всѣхъ своихъ подозрѣній, потому, что онъ всегда въ сомнѣніи и недовѣденіи, и не можетъ получить никакого удовлетворенія съ выгодной стороны; то есть, что счастливѣйшія его изыска-нія бываютъ тогда, когда онъ ни чего не находитъ. Удовольствіе его произходитъ отъ худаго его успѣха, и онъ провождаетъ жизнь свою гоняясь за такою тайною, которая на вѣки содѣлаетъ его несчастнымъ, естьли онъ ее откроетъ.

Любовь, исполненная горячности, есть одна изъ главнѣйшихъ снадобьевъ, составляющихъ страсть сію; ибо то, что питаетъ желаніе ревниваго, и придаетъ любимой особѣ столь великую красоту въ его воображеніи, заставляетъ его вѣрить, что она ту же самую страсть раждаетъ и въ другихъ, и что кажется столь же

любезною всѣмъ видящимъ ее. Сїе еще не все: ревность столь разборчива и нѣжна, что ни что не въ силахъ удовольствовать ее, кромѣ столь же сильной любви, какова есть ея. Сильнѣйшія увѣренія и нѣжнѣйшія нарѣченія не могутъ успокоить ревниваго, естьли не увѣренъ онъ, что онѣ суть истинны, и что удовольствіе взаимно. Онъ желалъ бы казаться нѣкіимъ богомъ любимой имъ особѣ, быть единственнымъ предметомъ ея глазъ и мыслей, и всегда готовъ разсердиться, естьли она что нибудь, кромѣ его, похвалитъ.

Прозьба, дѣлаемая однимъ любовникомъ своей любовницѣ, въ *Теренціевомъ Евнухѣ*; когда принужденъ онъ отлучиться отъ нее на три дни, есть красоты неподражаемыя: я желалъ бы, говоритъ онъ ей, чтобъ все то время, какъ ты останешся съ Капитаномъ, была ты всегда отъ него удалена; чтобъ ты безпрестанно обо мнѣ помышляла, чтобъ [illegible]

била; желала бы меня видѣть; ждала бы меня съ нетерпѣнїемъ, чтобъ отъ того одного чувствовала ты удовольствїе, чтобъ узрѣть меня паки; чтобъ ты все была со мною; наконецъ чтобъ сердце твое было все мое, потому что мое принадлежитъ тебѣ.

Ревнивый умъ столь вредное имѣетъ влїянїе, что отравляетъ все имъ видимое и слышимое, и питается собственнымъ своимъ ядомъ. Холодный прїемъ причиняетъ ему лютѣйшую казнь, и онъ приписываетъ его или ненависти, или равнодушїю; торопливость же уже кажется ему подозрительною, и по мнѣнїю его близка отъ притворства и лукавства. Естьли любимая имъ особа весела, то онъ заключаетъ изъ того, что она думаетъ о другомъ, а не о немъ; естьли же она печальна, то онъ щитаетъ себя единственною тому причиною. Однимъ словомъ, нечаяннѣйшее изрѣченїе, или тѣлодвиженїе, безъ всякаго умысла учиненное, снабжаетъ

его новыми подозрѣніями, и служитъ ему къ распространенію бѣдственныхъ своихъ поисковъ: такимъ образомъ есть ли разсмотрѣть дѣйствіе сего бѣшенства, то подумаешь, что оно скорѣе отъ безмѣрной ненависти происходитъ, нежели отъ избытка любви; ибо никакое безпокойство не можетъ сравниться съ тѣмъ, въ кое впадаетъ женщина подозрѣваемая въ невѣрности, кромѣ смятенія ревниваго мужа.

Но къ усовершенствованію несчастія, ревнивый стремится по естественному слѣдствію потерять ту самую склонность, которою онъ бы хотѣлъ одинъ наслаждаться; ибо съ одной стороны онъ надмѣру жестоко поступаетъ со всѣми дѣяніями и рѣчами подозрѣваемой особы, а съ другой показываетъ дурное свое о ней мнѣніе; вотъ сугубое стараніе навлещи на себя ненависть.

Однако же сіе есть не единственное печальное слѣдствіе ревности, потому что она ужаснѣйшее сего имѣ-

етъ дѣйствіе, и учиняетъ подозрѣваемую особу удобною къ тѣмъ самымъ проступкамъ, коихъ единая тѣнь устрашаетъ ревниваго. Весьма естественно людямъ, ложно подозрѣваемымъ, искать себѣ вѣрнаго друга, которой бы могъ внимать ихъ жалобамъ; онъ возметъ участіе въ ихъ скорби, и постарается усладить или и со всемъ разогнать печаль ихъ снѣдающую. Съ другой стороны ревность часто внушаетъ худыя намѣренія, кои бы можетъ быть безъ того никогда не пришли въ умъ женщинѣ, и столь сильно наполняютъ воображеніе ея сима вредными мыслями, что по времяни она къ нимъ привыкаетъ, и теряетъ весь ужасъ съ начала въ ней оными произведенный. Не должно даже дивиться и тому, что женщина, которую мужъ несправедливыми подозрѣніями обижаетъ, и которая не можетъ ни чего потерять изъ его къ себѣ уваженія, удобно рѣшится подать ему справедливую къ тому при-

чину, и доставить себѣ преступныя утѣхи, поелику должна неправедно терпѣть весь стыдъ оныхъ.

Обыкновенно примѣчается, что ни что не можетъ сравниться съ горестію ревнивыхъ мужей о лишеніи женъ ихъ. Тогда-то вся любовь ихъ возвѣщается во всей своей безпредѣльности, и разсѣваетъ всѣ подозрѣнія, кои, казалось, ея помрачали, или почти и совсѣмъ потушали. Они тогда ни о чемъ болѣе не думаютъ, какъ о добрыхъ свойствахъ похищенной смертію у нихъ подруги, и укоряютъ себя въ дурныхъ своихъ съ нею поступкахъ; между тѣмъ, какъ отрѣваютъ, такъ сказать, отъ памяти своей всѣ тѣ небольшіе недостатки, кои причиняли имъ толикое безпокойствіе и тревогу.

Весьма удобно можно видѣть по сказанному мною, что страсть сія глубочайшей корень свой простираетъ въ сердцахъ людей горячаго и къ любви склоннаго сложенія, и мы можемъ раздѣлить таковыхъ на три розряда.

Первые суть тѣ, кои признаютъ въ себѣ нѣкоторыя слабости или недостатки, какъ то: старость, немощь, невѣжество, дурноту лица, или какой либо другой симъ подобный порокъ. Они столь наполнены сими мыслями, что не смѣютъ ласкаться быть справедливо любимыми, и столь много не довѣряютъ своимъ собственнымъ достоинствамъ, что всѣ оказываемыя имъ ласки пристыжаютъ ихъ, и кажутся только учиняющими ихъ смѣха достойными. Все кажется имъ подозрительно, какъ скоро увидятъ они себя въ зеркалѣ, и видъ единыя морщины удобенъ возжечь въ нихъ ревность. Какъ скоро увидятъ они пригожаго человѣка, то немедленно встревожатся; и все то, что пахнетъ молодостію, здоровьемъ и веселонравіемъ, поражаетъ честь ихъ женъ.

Люди недовѣрчивые, исполненные предосторожностей и лукавства, составляютъ второй розрядъ ревнивцовъ. Упрекаютъ историковъ и искусныхъ

политиковъ, что они никогда не приписываютъ ничего нечаянности; но малѣйшей поступокъ производятъ отъ намѣренія, отъ нѣкоторыхъ причинъ, и учреждаютъ исправное сношеніе между успѣхами арміи и повелѣніями Двора. Люди надмѣру тонкій умъ имѣющій, такимъ почти образомъ и въ любви поступаютъ. Они толкуютъ всякой взглядъ, и находятъ умыселъ въ каждой улыбкѣ; они придаютъ новый смыслъ и новые виды словамъ и дѣйствіямъ; изобилуютъ въ вымышленіи самимъ себѣ мученій, и пугаются собственныя своея тѣни. Безпрестанно притворствуя, почитаютъ они за лицемѣріе въ другихъ то, что только единый видъ онаго имѣетъ. Однимъ словомъ, я не думаю, чтобъ вашлись люди въ свѣтѣ, видящіе истинность вещей, меньше сихъ великихъ созерцателей, кои не могутъ довольно наслаждаться своею проницательностію, и почитаютъ себя образцами благоразумія.

Наконецъ, естьли сіи острые умы мѣчтаютъ, что знаютъ они женщинъ по долгому о нихъ размышленію; то съ другой стороны распутные и порочные люди выдаютъ себя за знающихъ ихъ по опыту: и сіи то составляютъ третій мой розрядъ ревнивцовъ. Они видали столь много бѣдныхъ мужей, обманутыхъ женами, и столь запутанныхъ посреди лавиринѳовъ любовныя хитрости, что безпрестанно боятся какой нибудь западни во всѣхъ поступкахъ женскаго пола. Естьли распутный человѣкъ найдетъ въ особливости, что поведеніе жены его имѣетъ нѣкое далекое сходшеніе съ поведеніемъ другой женщины, которая не весьма цѣломудренна, то онъ непреминетъ ей приписать тѣ же самыя правила и умыслы. Для сего-то онъ тщательно за нею присматриваетъ и слѣдуетъ за нею всюды. Сверьхъ того привыкши обращаться съ одними только непотребными женщинами; не должно удивляться, что онъ на всѣхъ

женщин҄ смотрит҄ одинакими глазами, и всѣх҄ их҄ почитает҄ обманщицами. Но, естьли не смотря на всю свою опытность, может҄ он҄ преодолѣть свои предразсудки, и возъимѣть доброе мнѣніе о нѣкоторых҄ женщинах҄; то его преступныя желанія удобны только наполнить новыми его подозрѣніями съ другой стороны, и удостовѣрить его, что всѣ люди имѣют҄ склонности подобныя тѣм҄, кои над҄ ним҄ господствуют҄.

Как҄ бы то не было: новѣйшая исторія Америки, и опыты Европейцов҄ в҄ сей части свѣта, дают҄ нам҄ знать, что ревность не есть порок҄ Сѣверных҄ стран҄, но что съ несравненно большим҄ неистовством҄ тиранствует҄ она у народов҄ обитающих҄ в҄ жарком҄ поясѣ. Горе женщинѣ, родившейся между поворотными кругами, в҄ горячайшем҄ обиталищѣ ревности, которая по малу простывает҄ по мѣрѣ приближенія к҄ Сѣверу, и которая под҄ полярным҄ кругом҄

почти совсемъ потухла. Мы въ разсужденіи сего находимся въ довольно умѣренномъ климатѣ; но естьли между нами находятся нѣкоторые одержимые сею жестокою страстію, то можно сказать, что они не наши земляки, или по крайней мѣрѣ, что сложеніе ихъ гораздо ближе къ Солнцу, нежели отчизна.

Учинивъ сіе страшное описаніе ревности и обладаемыхъ ею, справедливость требуетъ, чтобъ я и показалъ, какими способами можно умягчить ее, и излѣчить мужей ей подверженныхъ. Прочіе недостатки мужа неподсудимы, такъ сказать, женѣ, и недолженствовали бы, естьли можно, доходить до свѣденія ея; но ревность требуетъ всего ея старанія и вниманія, и достойна того, чтобъ она искала противъ оной скораго лѣкарства. Она тѣмъ болѣе должна быть къ тому возбужденна, что усилія ея всегда будутъ хорошо принимаемы, и что горячность ея мужа къ ней станетъ

возрастать по мѣрѣ излѣченія его сомнѣнія. По крайней мѣрѣ то очевидно, по всему мною сказанному, что къ ревности много любви примѣшано, и сія любовь стоитъ того, чтобъ ее отъ оной отцѣпить; сіе теперь изъяснить я подробнѣе намѣренъ.

Разсмотрѣвъ свойство ревности, и означивъ людей наиболѣе ей по свойству своему подверженныхъ, надлежитъ обратить мнѣ здѣсь рѣчь къ прекраснымъ моимъ корреспонденткамъ, старающимся вести спокойную жизнь съ ревнивыми мужьями, и излѣчить ихъ отъ несправедливыхъ подозрѣній.

Первое для сего правило, мною имъ предлагаемое, состоитъ въ томъ, чтобъ не охуждать никогда въ другихъ того порока, которой имѣетъ ревеивый ея мужь, и нехвалить никогда иныхъ вещей, кромѣ тѣхъ, въ коихъ онъ самъ превосходствуетъ. Будучи стремителенъ въ сравненіяхъ и отношеніяхъ, умѣетъ онъ находить двоякой смыслъ въ хулѣ, и принять

похвалу другому приписываемую за сатиру, на него упадающую. Онъ не помышляетъ о томъ, что бы разсматривать особу, но сличаетъ только свойства и чувствуетъ радость или стыдъ, смотря по тому, болѣе или менѣе находитъ въ томъ съ самимъ собою сходство. Малѣйшая ваша похвала кому нибудь, возбуждаетъ въ немъ ревность, показуя ему, что вы не одного его уважаете; но естьли же вы станете выхвалять то, чего онъ не имѣетъ, тогда приходитъ онъ въ бѣшенство, по той причинѣ, что вы въ нѣкоторыхъ вещахъ другихъ людей ему предпочитаете. Горацій въ одной изъ своихъ одъ къ *Лидіи*, взирая на страсть сію съ той же стороны, описываетъ ее превосходно такимъ образомъ:

„Когда хвалишь ты при мнѣ бѣлизну выи Телефовой, хвалишь красоту рукъ его, о *Лидія*! я прихожу въ гнѣвъ, коего обуздати не въ силахъ. Умъ мой выходитъ изъ обыкновен-

наго своего положенія, я измѣняюсь въ лицѣ, и вырывающіяся изъ глазъ моихъ слезы обнажаютъ огнь меня снѣдающій.

Ревнивый мужь безъ сомнѣнія не досадуетъ, естьли кто другой вамъ не нравится; но естьли вы станете порицать въ немъ нѣкоторые пороки, которые онъ и въ себѣ находитъ, то тѣмъ покажете вы ему не только то, что другой вамъ не нравится, но что слѣдовательно и самъ онъ вамъ непріятенъ. Однимъ словомъ, онъ столь сильно желаетъ одинъ наслаждаться всею вашею горячностію, что приходитъ въ отчаяніе, естьли увидитъ, что не имѣетъ хотя одной изъ тѣхъ прелестей, кои удобны родить ее къ нему въ васъ; и естьли увидитъ сверьхъ того по осуждаемому вами въ другихъ, что онъ глазамъ вашимъ не столь пріятенъ, сколькобъ могъ таковымъ быть; то заключаетъ изъ того, чтобъ вы его болѣе любили, естьли бы онъ

имѣлъ другіе качества, и что такимъ то образомъ склонность ваша къ нему не столь велика, какова бы долженствовала она быть по его мнѣнію. И такъ, естьли онъ нраву угрюмаго и важнаго, то вы не должны показывать ему, что надмѣру любите веселости, шутки и радость. Естьли онъ некрасавецъ, то вы должны удивляться въ немъ или благоразумію, или другому какому хорошему свойству, которое онъ имѣетъ, или по крайней мѣрѣ думаетъ имѣть.

Второе правило, мною вамъ предлагаемое, состоитъ въ томъ, чтобъ вы были откровенны съ нимъ и чистосердечны, терпѣли бы, чтобъ онъ руководствовалъ вашими поступками, открывали бы ему всѣ ваши намѣренія, и не имѣли бы отъ него никакой тайны, даже и въ малѣйшихъ безделицахъ. Ревнивый мужь смертельно ненавидитъ всѣ перемигиванія и шептаніе на ухо; и естьли онъ не будетъ видѣть, такъ сказать, насквозь

всего вами дѣлаемаго, то безъ сомнѣнія опасеніе его не будетъ имѣть предѣловъ. Вы не можете выгнать у него изъ головы, что вы должны избрать его главнѣйшимъ вашимъ наперсникомъ; и естьли онъ найдетъ, что вы нѣчто отъ него утаили, то возмечтаетъ, что въ томъ гораздо больше худова, нежели въ самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ выгоды ваши требуютъ, чтобъ вы были откровенны, и не дѣлали ничего такого, чтобъ могло быть чистосердечію вашему вредно въ мысляхъ вашего мужа; потому, что естьли онъ хотя однажды узнаетъ, что вы скрыли отъ него истинную цѣль какого либо поступка, то всѣ прочія сдѣлаются для него подозрительны; сіе будетъ неизчерпаемый источникъ для его воображенія, которое немедленно за сіе ухватится, и начнетъ извлекать изъ того безконечныя слѣдствія, кои только что усугубляютъ его печаль.

Естьли сіи два способа не бу-

дутъ дѣйствительны; то вѣрнѣйшее средство будетъ въ томъ, чтобъ казаться унылою и печальною, по причинѣ дурнаго его о васъ мнѣнія, и мученія, которое онъ себѣ отъ васъ причиняетъ. Есть много такихъ женъ, которыя вкушаютъ лютое удовольствіе возбуждать ревность ихъ любящихъ, ругаться надъ сердцемъ страдающимъ, и торжествовать, видя, что прелести ихъ могутъ толико людей тревожить. Сіе-то заставило сказать Ювенала: „Хотя она и горячо любитъ своего мужа, но любитъ его и мучитъ.„

Женщины сего свойства столь далеко обыкновенно простираютъ оное, что притворное ихъ равнодушіе потушаетъ всю горячность супруга, и тогда неминуемо навлекаютъ онѣ къ себѣ презрѣніе его и холодность, которыхъ безумная ихъ гордость достойна. Напротивъ того видъ печальный и унылый, естественное слѣдствіе утѣсненной невинности, можетъ умягчить

ревниваго мужа, подвигнуть его къ сожалѣнію, заставить его почувствовать наносимую имъ вамъ обиду, и изгнать изъ мыслей его всѣ сіи боязни и подозрѣнія, отравляющія счастіе того и другаго. Такой поступокъ побудитъ его по крайней мѣрѣ скрывать свою ревность, и роптать въ безмолвіи, потому, что будучи убѣжденъ въ слабости своей, не захочетъ онъ вамъ ее открыть, думая, что она можетъ имѣть какое либо бѣдственное слѣдствіе, какъ то, охладитъ васъ къ нему, и воспламенитъ къ другому.

Кромѣ сего есть еще непремѣнный способъ, лишь бы только вы могли снискать довѣренность въ супругѣ вашемъ, и которой часто употребляютъ женщины болѣе хитрыя, нежели добродѣтельныя. Я разумѣю подъ симъ, чтобъ играть самой ролю ревниваго мужа, и оружіе его обратить на него самаго; сыскать какой нибудь случай къ оказанію ему ревности, и слѣдо-

вать данному вамъ имъ примѣру. Сія притворная ревность, пріятное щекотаніе произведетъ въ его сердцѣ, естьли онъ почтетъ ее за истинную; ибо онъ по опытамъ знаетъ, что много любви къ тому примѣшивается, и сверьхъ того почувствуетъ нѣкоторое удовольствіе, увидя, что вы претерпѣваете одинакія съ нимъ безпокойствія. Но должно признаться, что столь мудрено играть сію ролю, и она столь отдалена отъ чистосердечія, что никогда не должно къ ней прибѣгать, не имѣя довольно искуства для закрытія притворства, и столько невинности, чтобъ учинить ее простительною.

Какъ бы то не было, я представлю здѣсь повѣсть о Иродѣ и Маріамнѣ, такъ какъ находится оная въ Іосифѣ, и которая снабжаетъ насъ примѣромъ всего того, что можно сказать о столь печальной матеріи.

Маріамна обладала всѣми прелестями, кои красота, знатность рож-

денія, умЪ и молодость могутЪ дать женщинѣ; ИродЪ же чувствовалЪ всю ту страсть, которую можетЪ ощущать человѣкЪ пылкаго и кЪ любви склоннаго сложенія. Среди всѣхЪ своихЪ безмѣрныхЪ нѣжностей, умертвилЪ онЪ брата, а потомЪ и отца Маріамны. КакЪ принесли о семЪ жалобу Марку Антонію, то сей насталЪ Ироду повелѣніе немедленно пріѣхать вЪ ЕгипетЪ, и дать отвѣтЪ вЪ семЪ злодѣяніи. ИродЪ непреминулЪ приписать сего повелѣнія желанію, которое имѣлЪ Антоній обладать Маріамною; такимЪ образомЪ, что прежде отЪѣзда своего препоручилЪ онЪ ее вЪ руки Іосифа, дяди своего, сЪ тайнымЪ приказаніемЪ умертвить ее, естьли случится, что онЪ самЪ вЪ путешествіи своемЪ умретЪ. Прельщенный обхожденіемЪ сея Принцессы ІосифЪ, употребилЪ все свое краснорѣчіе, дабы удостовѣрить ее, что ИродЪ нѣжно ее любитЪ, и какЪ она казалась кЪ сему нечувствительною,

онъ былъ столько неостороженъ, что объявилъ ей приказаніе его, которое почиталъ за убѣдительнѣйшій знакъ его страсти, потому, что Царь не могъ ни жить, ни умереть безъ нее. Сіе лютое доказательство неисторой страсти изгнало на нѣсколько времени изъ сердца ея слабыя остатки благодарности. Единственно занявшись жестокостію сего приказанія, и не въ состояніи разсуждать о причинѣ, произведшей оное, взирала она на Ирода, яко на убійцу, не видя въ немъ страстнаго любовника. Какъ скоро Иродъ оправдался и былъ отпущенъ Антоніемъ, то немедленно возвратился, горя новымъ пламенемъ къ своей любезной Маріамнѣ. Но услыша о короткомъ обхожденіи, которое имѣлъ съ нею дядя его Іосифъ во время его отсудствія, чрезмѣрно онъ встревожился: такъ, что при первомъ съ нею наединѣ свиданіи, дошло дѣло до объясненій, и она насилу могла успокоить его. Напослѣдокъ успѣла въ

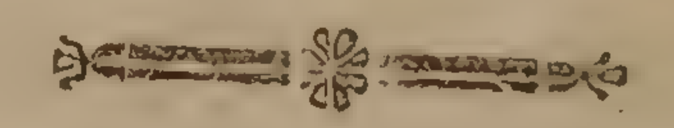
томъ, и онъ столь показался убѣжденнымъ въ ея невинности, что отъ упрековъ и жалобъ прешелъ къ слезамъ и лобызаніямъ. Они оба при семъ случаѣ плакали съ неизреченною нѣжностію; но когда Иродъ среди рыданій и вздоховъ дѣлалъ ей страстнѣйшія увѣренія въ любви своей и постоянствѣ, ей вздумалось спросить у него, могло ли служить вѣрнымъ тому доказательствомъ тайное его о ней повелѣніе дядѣ его Іосифу? Царь едва только услышалъ сей столь мало ожидаемый вопросъ, какъ воспалясь ревностію, заключилъ изъ того, что Іосифъ конечно надмѣру далеко простеръ короткое съ нею обхожденіе, когда могъ открыть ей такого рода тайну. Однимъ словомъ, онъ велѣлъ умертвить Іосифа, и учинивъ надъ собою чрезвычайное усиліе, даровалъ жизнь Маріамнѣ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, принужденъ будучи возвратиться въ Египетъ, препоручилъ онъ супругу

свою *Согему*, съ такимъ же тайнымъ повелѣнiемъ, которое давалъ прежде дядѣ своему, въ случаѣ ежели онъ въ путешествiи погибнетъ. Не взирая на всѣ его предосторожности, Марiамна столь сильно овладѣла умомъ Согемовымъ, подарками своими и обязательными поступками, что исторгла, такъ сказать, изъ него тайну, ввѣренную ему Иродомъ. Такимъ образомъ, когда онъ возвратясь изъ Египта, стремился съ восторгомъ радости и нѣжности облобызать ее, то она отвѣтствовала на его ласки одними слезами и рыданiями, сопровождаемыми всѣми знаками равнодушiя и ненависти, коихъ не могла никакъ скрыть. Раздраженный столь холоднымъ прiемомъ, непреминулъ бы онъ принести ее на жертву гнѣву своему, естьли бы не убоялся, что самъ онъ содѣлается главною онаго жертвою. Вскорѣ потомъ столь сильную почувствовалъ онъ къ ней горячность, что приказалъ привести ее

предъ себя, и старался утишить ее всѣми способами и ласками, которыя только супружеская любовь могла ему въ семъ случаѣ внушить; но она отвѣтствовала на сіе одними только ругательствами и жестокими укоризнами за смерть брата ея и отца. Иродъ почувствовалъ такую отъ сего досаду, что на силу могъ удержаться. Споръ между ими часъ отъ часу становился горячѣе, какъ одинъ подкупленный непріятелями Маріамны лжесвидѣтель вошелъ, и обвинилъ ее въ намѣреніи отравить Царя. Будучи готовъ вѣрить всему, что бы на нее тогда нивсклепали, Иродъ немедленно приказалъ пытать одного изъ главныхъ служителей своей супруги. Сей несчастный нестерпя жестокости мученія, признался, что отвращеніе его Государыни къ Царю происходитъ отъ сказаннаго ей Согемомъ; но что касается до жизни его, то онъ клялся, что онъ никакого умысла на оную не знаетъ. Сіе признаніе бѣдственно

было Согему, которой подалъ чрезъ то такія же о себѣ подозрѣнія, и погибъ такъ же, какъ и Іосифъ. Мщеніе Ирода не ограничилось одною сею жертвою; онъ обвинилъ Маріамну въ заговорѣ противъ его, и посредствомъ надвластія своего надъ Судіями приговорилъ ее къ смерти, и предалъ всенародной казни. Вскорѣ по смерти сея Царицы впалъ онъ въ глубочайшую тоску, и оставя дѣлоправленіе, удалился въ уединенное мѣсто, гдѣ терзаемъ былъ всѣмъ тѣмъ, что безпредѣльная любовь, сожаленіе, угрызеніе и отчаяніе имѣютъ лютѣйшаго. Посреди сна своего и мятущаго его волненія часто призывалъ онъ свою возлюбленную Маріамну, и по видимому не замедлилъ бы и самъ за нею послѣдовать, естьли бы бѣдственныя обстоятельства, угрожающія народу и ему, не отвратили его отъ столь горестнаго намѣренія.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О НАДЕЖДѢ.

Надежда есть имя вещи, существующей въ одномъ только воображенiи.

Надежда есть послѣднее стяжанiе людей. Не надлежитъ ихъ отвращать отъ такого блага, коего ни тираны, ни злосчастiе никогда не могли отнять у несчастныхъ.

Добрая надежда лучше худаго обладанiя.

О ЗАВИСТИ.

Зависть есть чувствiе неукротимое. Вы можете заставить ее молчать вѣжливостiю вашею и благодѣянiями; но не можете ее умилостивить, она будетъ жить столь же долго, какъ ваши достоинства. Вамъ прос-

тятЪ последнія нанесенныя вами обиды, или по крайней мѣрѣ время истребитЪ ихЪ изЪ памяти; но не простятЪ никогда добрыхЪ вашихЪ свойствЪ.

ПаскалЪ.

ВіонЪ говорилЪ о печалющемся завистникѣ: не льзя угадать, случилось ли сЪ нимЪ какое несчастіе, или кто другой сдѣлался счастливымЪ.

ЗавистникЪ всегда сердится на того, кто его не оскорбилЪ.

СпособЪ наказать жестоко завистниковЪ состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ осыпать ихЪ благотвореніями.

Поелику нѣтЪ на землѣ ненаказуемаго преступленія, то зависть находитЪ истязаніе свое вЪ самой себѣ: она пьетЪ собственный свой ядЪ.

Зависть превращается вЪ почтеніе, когда достоинство превосходно; и она подобится дыму, которой изчезаетЪ, когда пламя велико.

Вѣрнѣйшее средство къ снисканію благоволенія завистника состоитъ въ томъ, чтобъ быть онаго недостойнымъ.

О ПОРОКАХЪ.

Пороки суть самыя добродѣтели до крайности простираемыя. Недостатки суть сіи же добродѣтели, коимъ нѣчто не достаетъ, а чаще они суть отрицаніе добродѣтелей. Напримѣръ, малодушіе есть недостатокъ, а дерзость порокъ; сія есть избытокъ храбрости, а то отрицаніе оныя. Пороки и недостатки суть двѣ крайности, одна съ другою сцѣпляющіяся.

О ВРЕМЕНИ.

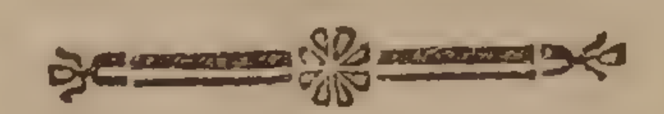
Обыкновенно говорится, что время проходитъ, а я говорю, что время неподвижно, но что мы проходимъ. Заблужденіе наше похоже на тѣхъ, кои плавая по рѣкѣ, воображаютъ, что деревья и берега движутся, между тѣмъ, какъ только они одни не-

сутся вѣтромъ. День и нощь суть всегда тѣ же; они тверды и неизмѣнны въ своемъ попеременномъ теченіи, и одни только стихіи и составленныя изъ нихъ тѣла перемѣнѣ подвержены. Часы и годы не суть мѣры времени, но токмо движенія всѣхъ преходящихъ бытій; ибо время безконечно и неподвержено измѣреніямъ: однимъ только именемъ отличается оно отъ вѣчности.

Надлежитъ, чтобъ поспѣшность наша хорошо употреблять время, равнялась съ поспѣшностію, съ каковою оно проходитъ; должно спѣшить почерпать въ ономъ нужное, такъ какъ въ быстромъ потокѣ, которой уходитъ уже въ нѣдра земныя.

Прошедшее есть бездонная пропасть, въ которую низвергаются всѣ преходящія вещи; а будущность есть другая бездна, намъ неисповѣдимая. Одна изъ сихъ безднъ втекаетъ без-

престанно въ другую, будущность владаетъ въ прошедшее, протекая чрезъ настоящее; мы помѣщены между сими двумя пропастями.

ПИСЬМО КЪ ЗРИТЕЛЮ О ЛУКАВИЦАХЪ, И О СВОЙСТВАХЪ НѢКОТОРЫХЪ ИЗЪ НИХЪ.

Г. Зритель!

Мнѣ кажется, что вы не говорили еще до сего времени о нѣкоторомъ родѣ женщинъ, коихъ мы обыкновенно называемъ *лукавицами.* Вы не можете лучше употребить нѣсколько часовъ вашего времени, какъ описавъ намъ сихъ опасныхъ тварей. Кокетка по истиннѣ весьма близка отъ *лукавицы*; но первая занимается только любозаніемъ себѣ самой, и подаваніемъ ложныхъ надеждъ своимъ любовникамъ; вмѣсто того, что послѣдняя не до-

вольствуяся тѣмъ, чтобъ быть весьма любезною, находитъ злобное удовольствіе мучить другихъ. Такимъ образомъ, когда любовникъ ласкается щастливымъ успѣхомъ, то лукавица немедленное окажетъ ему равнодушіе свое, и отворотясь отъ него съ видомъ пренебреженія, удивится, что онъ досадуетъ на холодной ея пріемъ. Тогда нещастной сей бѣднякъ пойдетъ домой наполненъ печалію и уныніемъ, возметъ бумагу и перо, и пишетъ къ ней въ униженнѣйшихъ изрѣченіяхъ, что онъ не вѣдаетъ въ чемъ ее прогнѣвалъ, что онъ всегда слѣпо повиновался ея волѣ, что она составляетъ всю радость и блаженство жизни его, и что онъ въ отчаяніи отъ потери столь великаго щастія. Онъ нѣсколько времени проводитъ невидясь съ нею, терзается одинъ, мучится и томится. Наконецъ намѣревается испытать щастія своего, и объясниться съ нею о странномъ ея, въ разсужденіи его, поступкѣ. И

такъ идетъ къ ней будучи волнуемъ смятенiемъ о томъ, какъ она на него взглянетъ; но едва только войдетъ къ ней, какъ она побѣжитъ къ нему на встрѣчу, удивляется, что его такъ давно не видала, пѣняетъ ему, что онъ ее забылъ, и обходится съ нимъ столь же ласково, сколько прежде холодности ему оказала. Сiе доброе согласiе продолжается до тѣхъ поръ, пока красавица примѣтитъ, что любовникъ ея радуется щастливому своему состоянiю, и тогда она непреминетъ разрушить оное какою ни будь новою вылазкою. Ибо, какъ то я уже сказалъ, все счастiе лукавицы состоитъ въ томъ, чтобъ огорчать другихъ. Но такова есть слабость сего рода женщинъ, что онѣ простираютъ сей нравъ до того времени, какъ лишась прелестей своихъ, учиняютъ онѣ оной несноснымъ. Коринна; пленявшая прежде сего всѣ сердца взиравшихъ на нее, посредствомъ притворныхъ взоровъ, или малыхъ невин-

ныхъ ужимокъ, кои казалось насильно у нее вырывались, и измѣняли склонности ея къ тому человѣку, коего искала она заманить въ свои сѣти. Нынѣ находитъ, что всѣ ея лукавства безполезны, и дошла до того, что въ угожденіе своему обычаю поинуждена заводить сплетни, писать двусмысленныя письма подъ вымышленными имянами, и уловлять сердца всѣхъ нашихъ молодыхъ щеголей, пока они узнаютъ, кто она такова. Такимъ то образомъ та, которая скрывала свою склонность для причиненія муки, принуждена теперь показывать оную для достиженія цѣли своей, и скрывать свою особу.

Я признаюсь, Государь мой, къ крайнему моему прискорбію, что я бывалъ обманутъ сими тварями многократно во время молодости моей; склонность моя влекла меня къ любовнымъ связямъ и къ знакомству съ умными женщинами, такъ, что я проводилъ всю мою жизнь въ дѣланіи

грубѣйшихъ ошибокъ въ семъ родѣ. Но дабы наши молодые люди могли употребить несчастіе мое въ свою пользу, то я здѣсь въ короткихъ словахъ представлю вамъ повѣсть любви моей. Не знаю, слыхали ли вы когда нибудь о славной въ здѣшнемъ городѣ женщинѣ, которая называлася *Като*: я скажу вамъ къ стыду моему, что я имѣлъ сію тварь на содержаніи, когда сіе было въ модѣ; и когда всякой дворянинъ непремѣнно долженъ былъ имѣть любовницу. *Като*, подъ притворнымъ видомъ рѣзвости и неосторожности въ поступкахъ и рѣчахъ, скрывала совершенную лукавицу своего времени. Ея безпечность имѣла для меня всѣ прелести целомудрія, а умѣренность въ преступныхъ желаніяхъ имѣла въ глазахъ моихъ столько же достоинства, какъ бы когда она и совершенно преодолѣла оныя. Какъ бы то не было, она брала на себя видъ молодой рѣзвой дѣвушки, и когда я говорилъ ей какую либо

нѣжность, то она сорвавъ съ меня парикъ, надѣвала себѣ на голову, и смотрѣлась въ зеркало, обнажала мою шпагу, и нападала съ нею на стену, или снявъ съ меня галстукъ, обрывала съ него кружево, на какое ни будь другое употребленіе, и дѣлала тысячу обезьянствъ, пока время отъ меня ей назначаемое приходило. Я уходилъ отъ нее безъ памяти отъ радости, что обладаю столь прекрасною дѣвицею, которая будучи надмѣру нескромною, чтобъ мнѣ нравиться, казалась надмѣру равнодушною, чтобъ сыграть со мною какую дурную шутку. Ея бесѣда служила мнѣ такимъ образомъ долгое время для разгнанія скуки моей въ нѣкоторые часы, и хотя я не находилъ ее ни очень виновною, ни очень невинною, но смѣялся часто глупому удовольствію, которое находилъ я, чтобъ содержать ее на своемъ иждивеніи, пока напослѣдокъ моя нечувствительная красавица обрюхатѣла отъ моего камердинера.

Сіе приключеніе возбудило во мнѣ презрѣніе ко всѣмъ распутнымъ женщинамъ, подъ какою бы наружностію ни скрывали онѣ свое вѣроломство, и съ того же часа вознамѣрился не имѣть ни какой связи, кромѣ тѣхъ только, кои послѣдуютъ правиламъ пристойности и чести. Для сего сталъ я вести жизнь порядочнѣе, сталъ посѣщать собранія, подавать дамамъ руку по окончаніи комедій, и исполнять рачительно всѣ сіи важныя должности, къ коимъ всѣ обожатели женскаго пола суть всегда наклонны. Поелику я былъ наслѣдникъ знатнаго имѣнія, то отцы и матери вскорѣ начали меня почитать выгоднымъ женихомъ для дочерей ихъ, такъ, что мнѣ ни малаго труда не стоило познакомиться съ лучшими въ Лондонѣ домами; но по бѣдоносному вліянію моей планеты, будучи осужденъ служить безплодно прекрасному полу, я три раза сряду связывался съ лукавицами.

Гіена, первая изъ нихъ, есть изъ

числа тѣхъ женщинъ, кои притворяются задумчивыми и небрежливыми, и стараются имѣть обожателей, посредствомъ непримѣчанія своего ко всѣмъ ихъ окружающимъ. Она можетъ казаться въ своей каретѣ съ видомъ столь важнымъ, что трудно бы повѣрить, что она углублена въ размышленія единственно о нарядахъ и прелестяхъ своихъ въ семъ положеніи. Естьли бы сравненіе не было надмѣру низко, то я сказалъ бы, что Гіена подъ тѣмъ притворнымъ видомъ подобна пауку, въ паутинѣ своей висящему, и которой надѣется переловить всѣхъ мухъ, къ оной приближающихся. Сѣть ею разставляемая, столь тонка, что попадешь въ оную прежде, нежели увидишь ее. Я долго старался ей понравиться, но нашелъ, что вся ея страсть ограничивалась только тѣмъ, чтобъ ею любовалися, и что она ни мало не заботится о непостоянствѣ своихъ любовниковъ, лишь бы только могла похвастать, что они были въ нее влюблены.

Вивлида вторая, которую я полюбилъ, превозносилась тѣмъ глупымъ преславіемъ, чтобъ отнимать у другихъ женщинъ любовниковъ ихъ, хотя и весьма нечувствительна была къ страсти, оказываемой ей ими. Но чтобъ однимъ почеркомъ описать ее, то Вивлида не была любовницею ни одного человѣка, но соперницею всѣхъ женщинъ.

Какъ скоро я то примѣтилъ, то влюбился въ Клою, которая теперь составляетъ всю мою утѣху и скорбь. Я писалъ къ ней любовныя письма; я съ нею танцовалъ; выходилъ за нее на поединокъ; и уже тому три года, какъ весь городъ почитаетъ бракосочетаніе наше непремѣннымъ, я самъ почиталъ себя на верьху моихъ желаній, какъ нѣсколько дней тому назадъ, позвала она меня въ свой кабинетъ, и сказала мнѣ съ весьма важнымъ видомъ, что она дѣвица честная, и что никогда не обманетъ человѣка, которой имѣлъ

къ ней столько дружбы, сколько я; что она почитаетъ долгомъ мнѣ объявить, что она самая непостояннѣйшая тварь въ свѣтѣ; что проситъ меня оставить намѣреніе мое на ней жениться, хотя она и рѣшилась на то согласиться, естьли то мнѣ непремѣнно угодно; но признается мнѣ, что она съ нѣкотораго времени влюбилась въ другова. Я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать, и какъ поступить съ нею; сдѣлайте же милость, научите меня тому, чемъ вы несказанно обяжете вашего покорнѣйшаго слугу, и проч.

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ достопамятныхъ дѣяній и сказаній знаменитыхъ людей новѣйшей исторіи.

Карлъ XII, Король Шведскій, сынъ и наслѣдникъ Карла XI.

I. Едва сей Государь пріобрѣлъ нѣкоторое знаніе въ Латинскомъ языкѣ, какъ дали ему переводить Квинта-Курція. Онъ почувствовалъ великой вкусъ, внушаемый ему болѣе предметовъ ея, нежели слогомъ. Тотъ, кто толковалъ ему сего Автора, спросилъ у него однажды, что онъ думаетъ о Александрѣ? Я думаю, отвѣчалъ Карлъ, что желалъ бы быть ему по-

добенъ; но онъ жилъ только 32 года. отвѣчалъ ему: ахъ! вскричалъ онъ, онъ завоевалъ великія Государства, и слѣдовательно жилъ довольно.

2. Въ одинъ день забавлялся онъ въ Королевскихъ комнатахъ разсматриваніемъ двухъ Географическихъ картъ, одна изъ коихъ представляла нѣкій Венгерскій городъ, взятой у Императора Турками, а другая Ригу, столичной городъ Лифляндіи, которая въ то время принадлежала Шведамъ, завладѣвшимъ сею провинціею лѣтъ со сто назадъ. Подъ картою Венгерскаго города были подписаны сіи слова, взятыя изъ Іова: Богъ мнѣ далъ, богъ и взялъ, буди имя Господне благословенно. Младый Карлъ прочитавъ сіи слова, взялъ немедленно карандашъ, и подписалъ подъ Рижскою картою: Богъ мнѣ ее далъ, а чортъ не отнимет.

3. Едва взошелъ онъ на престолъ, какъ Государь Петръ Великій, Король Польскій и Датскій, презирая

его молодость, вознамѣрилися завладѣть его Государствомъ. Швеція находилась въ великомъ уныніи; всѣ славные Генералы померли, и Шведы имѣли причину всего опасаться подъ правительствомъ молодаго Короля, которой подалъ о себѣ весьма худыя мысли. Онъ только для того обыкновенно присутствовалъ въ своемъ Совѣтѣ, чтобъ сидѣть не говоря ни слова, и сложивъ ноги на столѣ крестъ на крестъ. Совѣтъ при немъ началъ разсуждать о опасности, въ которой отечество находилось. Нѣкоторые Совѣтники предлагали отвратить сію бурю посредствомъ переговоровъ, какъ вдругъ младой Государь возстаетъ съ видомъ важнымъ и смѣлымъ, свойственнымъ превосходному человѣку, принявшему свое намѣреніе. Господа, сказалъ онъ, я твердо рѣшился не начинать никогда несправедливой войны, но законную не намѣренъ я никогда оканчивать безъ погибели моихъ непріятелей. Намѣреніе мое взято, я пойду

сражаться съ первымъ, кто объявитъ себя моимъ врагомъ, и когда низложу его, то надѣюсь вселить нѣкоторой страхъ и въ другихъ. Слова сіи удивили всѣхъ сихъ старыхъ Совѣтниковъ: они смотрѣли другъ на друга, не смѣя отвѣчать. Наконецъ дивясь, что они имѣютъ такого Короля, и стыдясь, что менѣе его надѣются, приняли они съ почтительнымъ повиновеніемъ приказанія его о пріуготовленіи къ войнѣ.

4. Первый подвигъ, ознаменовавшій его мужество, былъ десантъ, учиненный имъ въ Копенгагенъ, столицу Даніи: транспортныя суда находилися только за триста шаговъ отъ берега, какъ сей Государь вышедъ изъ терпѣнія, что не такъ близко и не столь скоро, какъ ему хотѣлося, могъ онъ пристать къ берегу, бросился изъ шлюпки въ море со шпагою въ рукахъ, и попоясъ былъ въ водѣ: Офицеры и солдаты послѣдовали его примѣру, и шли къ берегу,

не смотря на тучу пуль, летящихъ на нихъ. Король, не слыхавшій до того свисту пуль, спросилъ у Маіора Штуара, которой близь его находился, что значитъ сей небольшой свистъ. Ето шумъ отъ пулей, которыми по васъ стрѣляютъ, отвѣтствовалъ ему Маіоръ, хорошо, сказалъ Король, съ сихъ поръ ето будетъ моя музыка.

5. Осаждая городъ Торунь, часто весьма близко подходилъ онъ къ крѣпости. Простой мундиръ, которой онъ всегда нашивалъ, былъ ему въ сихъ опасныхъ прогулкахъ болѣе полезенъ, нежели онъ думалъ; онъ препятствовалъ ему быть примѣченнымъ; ибо непріятели узнавъ его, безъ сомнѣнія бы стали по немъ стрѣлять. Въ одинъ день подошедъ весьма близко съ однимъ изъ своихъ Генераловъ, по имени Ливеномъ, на которомъ былъ алой кафтанъ, выложенный золотымъ позументомъ, онъ боялся, чтобъ Генералъ не былъ примѣченъ непріятелями, и для того при-

казалъ ему спать за собою. Столько то великодушіе было ему сродно, что онъ не помышлялъ о собственной видимой своей опасности, желая спасти одного изъ своихъ подданныхъ. Ливенъ увидѣлъ, но уже поздно, что нехорошо сдѣлалъ, одѣвшись въ столь примѣтное платье, которое подвергало также опасности всѣхъ съ нимъ бывшихъ, и боясь равномѣрно за Короля, въ какомъ бы онъ мѣстѣ не стоялъ, колебался ему повиноваться. Во время сего спора Король взялъ его за руку, сталъ передъ нимъ, и закрылъ его собою. Въ самое сіе мгновеніе пушечное ядро убило Генерала на самомъ томъ мѣстѣ, съ коего Король сошелъ. Смерть сего человѣка, убитаго вмѣсто его, и для того, что онъ хотѣлъ его спасти, не мало споспѣшествовала утвердить его въ томъ мнѣніи, въ коемъ пребылъ онъ во всю жизнь свою, что есть совершенное предопредѣленіе, и возмнилъ отъ сего случая, что судьба,

толико о немъ пекущаяся, предназначаетъ его къ великимъ дѣяніямъ.

6. Ставъ однажды лагеремъ близъ Лутзенскаго поля, знаменитаго побѣдою и смертію Густафа Адольфа, пошелъ онъ смотрѣть то мѣсто, на коемъ сей великій мужь былъ убитъ. Пришедъ туда, сказалъ онъ: я старался жить такъ, какъ онъ, можетъ быть Богъ пошлетъ мнѣ нѣкогда столь же славную кончину.

7. Какъ прогуливался онъ нѣкогда на лошади близъ Лейбциха, то одинъ Саксонскій крестьянинъ бросился къ его ногамъ, и просилъ правосудія на нѣкоего гренадира, которой отнялъ у него обѣдъ, приготовленный его семьѣ. Король велѣлъ позвать солдата. Правда ли, спросилъ онъ у него съ грознымъ видомъ, что ты ограбилъ сего человѣка? Государь, отвѣчалъ солдатъ, я не столько сдѣлалъ ему вреда, сколько Ваше Величество причинили онаго его Государю, вы у него отняли Королевство, а я

у сего дурака взялъ только курицу. Король пожаловалъ мужику десять червонцовъ, и простилъ солдата за смѣлой его отвѣтъ, сказавъ ему: другъ мой, помни, что естьли я и отнялъ Государство у Короля Августа, то себѣ изъ того ни чего не взялъ.

8. Фридерикъ Августъ, Король Польскій, сверженный съ престола Карломъ XII, удали[illegible] въ Дрезденъ, Столичный город[illegible]го Курфиршества. Кар[illegible]ь нѣсколько времяни п[illegible]ь съ аріею своею мимо сего города. Онъ по обыкновенію ѣхалъ шаговъ за триста впереди Гвардіи своей, и вдругъ потѣряли его изъ виду. Нѣкоторые чиновники поскакали во всю прыть, чтобъ узнать, гдѣ онъ находится, разсѣялись во всѣ стороны, и не нашедъ причинили тревогу во всей арміи. Наконецъ услышали отъ одного Саксонца, мимо ѣдущаго, куды дѣвался Король: Ему захотѣлось, про-

ѣзжая столь близко отъ Дрездена, повидаться съ Королемъ Августомъ: Онъ въѣхалъ въ городъ верьхомъ, въ препровожденіи трехъ или четырехъ Генераловъ, и пошелъ во дворецъ. Онъ взошелъ уже въ покои Курфирста прежде, нежели слухъ о его прибытіи разнесся въ городѣ. Генералъ Флеммингъ, увидя изъ дали Короля Шведскаго, только что успѣлъ доложить о томъ своему Государю. Все то, что можно было сдѣлать въ семъ случаѣ, представилось уже въ умѣ Министра, и онъ говорилъ о томъ Августу; но Карлъ вошелъ въ комнату въ большихъ своихъ сапогахъ прежде, нежели Августъ могъ отъ удивленія притти въ себя. Онъ былъ тогда нездоровъ и въ халатѣ; но съ поспѣшностію одѣлся. Карлъ позавтракалъ съ нимъ, какъ путешественникъ, которой заѣхалъ проститься съ своимъ пріятелемъ; потомъ захотѣлъ онъ посмотрѣть укрѣпленія, въ то короткое время, ко-

торое употребилъ онъ на сіе осматриваніе, одинъ изгнанный изъ Швеціи Лифляндецъ, и служащій тогда въ Саксонскихъ войскахъ, вздумалъ, что никогда не представится ему благосклоннѣйшаго случая для испрошенія себѣ прощенія. Онъ просилъ Короля Августа замолвить за него слово Карлу, будучи твердо увѣренъ, что сей Государь не откажетъ въ семъ маломъ снисхожденіи Королю, ксего лишилъ онъ короны, и въ чьихъ рукахъ въ то время онъ находился. Августъ охотно взялъ на себя сіе дѣло; онъ разговаривалъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Шведскаго Короля съ Гордомъ, Шведскимъ Генераломъ. Я думаю, сказалъ онъ ему усмѣхаясь, что вашъ Государь мнѣ не откажетъ. Вы его не знаете, отвѣчалъ Генералъ Гордъ: онъ откажетъ вамъ здѣсь скорѣе, нежели гдѣ индѣ; однакожъ Августъ непреминулъ просить у Короля въ убѣдительнѣйшихъ словахъ прощенія Лифляндцу.

Но Карлъ отказалъ ему въ томъ такимъ образомъ, что не покусился онъ вторично о томъ его просить. Прозрдивъ нѣсколько часовъ въ семъ удивительномъ посѣщенiи, обнялъ онъ Короля Августа, и поѣхалъ. Возвратясь къ своей армiи, нашелъ всѣхъ своихъ Генераловъ въ военный Совѣтъ собравшихся; онъ спросилъ у нихъ тому причину. Ему отвѣтствовали, что они намѣрялись осадить Дрезденъ, въ такомъ случаѣ, естьли бы Его Величество удержанъ былъ въ Саксонiи въ полону. Вотъ хорошо, сказалъ Король, да какъ они смѣютъ ето сдѣлать? Назавтра услышавъ, что Король Августъ созвалъ чрезвычайный Совѣтъ въ Дрезденѣ: вы увидите, сказалъ Баронъ Штраленгеймъ, что они совѣтуютъ о томъ, что бы имъ вчера надлежало дѣлать. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, Генералъ Реншильдъ пришедъ къ Королю, съ удивленiемъ говорилъ ему о семъ путешествiи въ Дрезденъ. Я положился,

сказалъ Король, на мое доброе счастіе, но видѣлъ однако же одну не очень чистую минуту, Флеммингу очень не хотѣлось, чтобъ я такъ скоро изъ Дрездена выѣхалъ.

9. Карлъ находился въ Украинѣ, окруженъ непріятелями, безъ провіанта и безъ всякой помощи, кромѣ своея неустрашимости, какъ достопамятная жестокая зима 1709 года истребила часть его войскъ. Сей Государь хотѣлъ бороться съ несносною стужею, такъ какъ съ непріятелями; и осмѣливался дѣлать большіе переходы во время сея лютыя стужи. Въ одномъ то изъ сихъ переходовъ двѣ тысячи человѣкъ погибли въ глазахъ его отъ мороза. Конные не имѣли сапоговъ, а пѣхотинцы были почти нагіе; они принуждены были шить себѣ обувь изъ звѣриныхъ кожъ, такъ какъ могли, и часто не имѣли хлѣба. Они принуждены были покидать почти всѣ свои пушки въ болоты и въ рѣки, за недостаткомъ для перевоза оныхъ

лошадей. Сія армія, столь прежде цвѣтущая, не состояла болѣе какъ изъ 24 тысячь человѣкъ, умирающихъ отъ голода. Изъ Швеціи не получали они болѣе никакихъ извѣстій, и не могли дать знать туда о своихъ обстоятельствахъ. Въ семъ бѣдственномъ положеніи одинъ Офицеръ возроптал ъ; что ето такое, сказалъ ему Король, тебѣ скучно здѣсь безъ жены? Есть ли ты настоящій солдатъ, то я заведу тебя такъ далеко, что ты едва будешь въ три года одно извѣстіе получать изъ Швеціи. Одинъ солдатъ осмѣлился представить Королю въ присутствіи всея арміи, кусокъ черного и заплесневелаго ячменнаго хлѣба, единую свою въ тогдашнее время пищу, но и той не было у нихъ довольно. Король взялъ сей кусокъ хлѣба, не показавъ ни малой въ себѣ перемѣны съѣлъ его весь, и потомъ съ холодностію сказалъ солдату: онъ нехорошъ, однакожъ ѣсть его можно.

10. Известна всему свѣту знаменитая побѣда, одержанная Россіянами подъ Полтавою, гдѣ были Шведы совершенно разбиты, и послѣ коей Карлъ XII принужденъ былъ искать убѣжища въ Бендерахъ у Турковъ. Упражненія его въ семъ городѣ состояли въ томъ, чтобъ ѣздить верьхомъ, и обучать оставшееся свое войско. Онъ всегда вставалъ до восхожденія солнца, и утомлялъ въ день по три верьховыхъ лошади. Иногда игрывалъ онъ только въ шахматы съ Генераломъ Понятовскимъ, или съ Казначеемъ своимъ Гротгаузеномъ. Тѣ, кои желали ему угодить, сопровождали его въ гуляніяхъ его верьхомъ, и цѣлой день были въ сапогахъ. Въ одно утро взошедъ къ Канцлеру своему Мюллерну, которой еще спалъ, не велѣлъ онъ его будить, и дожидался въ передней, чтобъ онъ проснулся. Въ каминѣ разведенъ былъ большой огонь, и подле онаго лежало нѣсколько паръ башмаковъ, кои Мюл-

лерѣ выписалъ изъ Нѣмецкой земли для своего употребленія. Король бросилъ все въ огонь, и ушелъ. Когда Канцлеръ пробудясь, почувствовалъ духъ горѣлой кожи, и узналъ тому причину: вотъ странной Король, сказалъ онъ, которой хочетъ непремѣнно, чтобъ Канцлеръ его ходилъ всегда въ сапогахъ.

II. Сей Государь былъ щедръ даже до расточительности. Гертцаузенъ, любимецъ его и Казначей, былъ раздаватель его награжденій. Сей былъ такой человѣкъ, которой въ противность Вельможамъ любилъ столько же разсыпать на благотвореніе деньги, какъ и Государь его. Въ одинъ день принесъ онъ ему щотъ шестидесяти тысячь талеровъ въ двухъ строкахъ, такимъ образомъ: десять тысячь ефимковъ даны Шведамъ и Янычарамъ, по великодушному приказанію Его Величества, а остальныя я проѣлъ. Вотъ такъ то люблю я, чтобъ мои друзья отдавали мнѣ отчеты, вскричалъ сей Мо-

нархъ. Мюллеръ заставляетъ меня читать цѣлыя тетрати за четыре тысячи талеровъ; но мнѣ больше нравится Лаконической слогъ Гротгаузена. Одинъ изъ его старыхъ чиновниковъ былъ подозрѣваемъ въ скупости, и жаловался ему, что Его Величество даетъ все одному Гротгаузену. Я только тѣмъ даю деньги, отвѣчалъ сей Государь, кто умѣетъ ихъ употреблять. Сія безмѣрная щедрость доводила его до того, что ему не чего было иногда давать; умѣренность въ его щедротахъ была бы столь же похвальна и гораздо полезнѣе; но сей Государь имѣлъ тотъ порокъ, что всѣ добродѣтели простиралъ до крайности.

12. Въ его присудствіи читали нѣкогда Боаловы сатиры. Карлу ни мало оныя не полюбилися. Когда же прочитали ему то мѣсто, гдѣ авторъ сей называетъ Александра безумнымъ и бешенымъ; то онъ выдралъ сей листъ.

1?. Султанъ прислалъ повелѣніе къ Бендерскому Сераскиру, чтобъ онъ выслалъ оттолѣ Шведскаго Короля съ довольною свитою; но сей Государь будучи увѣренъ въ тѣхъ мысляхъ, что намѣрены отдать его въ руки непріятельскія, упорно отрѣкался ѣхать; и по дѣйствованію чудеснѣйшаго упрямства осмѣлился выдержать осаду съ своими Офицерами противъ цѣлой Турецкой арміи. Онъ велѣлъ предъ домомъ своимъ сдѣлать правильныя ретраншементы, и самъ тутъ же помогалъ работать. Канцлеръ его, Казначеи, Секретари, Камердинеры, всѣ работали, иные заколачивали окны, иные укрѣпляли двери. Между тѣмъ приказъ отданъ былъ къ приступу, Турки пошли къ ретраншементамъ, и начали стрѣлять изъ пушекъ. Сей малый лагерь былъ вскорѣ сбитъ, и едва дватцать человѣкъ Шведовъ обнажили свои шпаги. Триста солдатъ, изъ коихъ состояла армія Карлова, были окружены и взяты въ плѣнъ

безъ всякаго сопротивленія. Король разъѣзжалъ тогда верьхомъ между домомъ своимъ и лагеремъ, съ Генералами: Гордомъ, Ардофомъ и Спарромъ. Видя, что всѣ его солдаты сдались въ его присутствіи, сказалъ онъ съ холоднымъ духомъ тремъ своимъ Офицерамъ: пойдемъ защищать домъ. Мы будемъ сражаться, примолвилъ онъ улыбаясь, pro aris et focis (*). Немедленно поскакалъ онъ съ ними къ дому сему, гдѣ разставилъ около сорока человѣкъ служителей въ разныхъ мѣстахъ часовыми, и которой былъ сколько можно лучше укрѣпленъ. Сіи Генералы, сколь ни были привычны къ упорной неустрашимости своего Государя, но не могли однако же надивиться, что онъ хотѣлъ съ холоднымъ духомъ и шутя защищаться противъ десяти пушекъ и цѣлой арміи. Они послѣдовали за нимъ съ нѣкоторыми служителями и стражами,

(*) За воздухъ и огонь.

кои всего навсе составляли двадцать человѣкъ; но подошедъ къ дворямъ, увидѣли, что оныя осаждали Янычары. Уже около двухъ сотъ Турковъ влезли въ окошко, и овладѣли всѣми комнатами, выключая одной только большой залы, въ которую Королевскіе служители удалились. Зала сія по счастію находилась близь той двери, въ которую Король хотѣлъ войти съ малымъ своимъ войскомъ, изъ двадцати человѣкъ состоящимъ. Онъ соскочилъ поспѣшно съ лошади своей, держа въ одной рукѣ пистолѣтъ, а въ другой шпагу, а свита его была вооружена такъ же. Янычары бросились на него со всѣхъ сторонъ; они были возбуждены обѣщаніемъ Паши, которой хотѣлъ дать по восьми червонцовъ каждому изъ нихъ, кто коснется до его платья, въ такомъ случаѣ, естьли можно будетъ его взять. Карлъ ранилъ и умерщвлялъ всѣхъ приближающихся къ его особѣ. Одинъ раненный имъ Янычаръ приставилъ

ему дуло ружья своего къ лицу. Естьли бы рука Турка сего не была отвращена движенїемъ, учиненнымъ тѣснящимися, подобно волнамъ, людьми, то Король погибъ бы неминуемо. Но пуля скользнувъ мимо его носа, оторвала конеъц уха его, и разшибла плечо Генералу Горду. Король вонзилъ шпагу въ грудь Янычару; и въ то самое время служители его, кои были заперты въ залѣ, отбили дверь въ оной. Король, подобно стрѣлѣ, бросился въ нее со всею своею свитою. Двери тотъ часъ опять заперли и заградили ихъ всѣмъ, что попалось имъ тогда въ руки. И такъ Карлъ XII заперся въ сей залѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, состоящимъ въ шестидесяти человѣкахъ, въ числѣ коихъ находилися Офицеры, солдаты, Секретари, Камердинеры и всякаго званiя служители. Янычары грабили остальную часть дома, и наполняли всѣ комнаты. Пойдемъ, сказалъ Карлъ, пойдемъ выгонимъ отъ себя сихъ вар-

варовъ, и отперевъ двери залы, которая вела въ его спальню, взошелъ онъ, и началъ стрѣлять по грабителямъ. Турки, обремененные добычею, устрашенные внезапнымъ появленіемъ Короля, коего привыкли они почитать, бросаютъ свое оружіе, и бросаются въ окны, или скрываются въ погребахъ. Король пользуясь ихъ смятеніемъ, и видя своихъ ободренныхъ успѣхомъ, гонится за Турками изъ комнаты въ комнату, они побиваютъ или наносятъ раны тѣмъ, кои не бѣжали, и въ четверть часа очищаютъ домъ отъ непріятелей. Король примѣтилъ въ жару сраженія двухъ Янычаровъ, кои спрятались подъ его постелю; одного изъ нихъ закололь онъ шпагою, а другой просилъ у него помилованія, крича *амманъ*. Я дарую тебѣ жизнь, сказалъ Король Турку, съ тѣмъ договоромъ, что ты пойдешь, и дашь вѣрной отчетъ во всемъ, что здѣсь произходило. Турокъ охотно обѣщалъ все то, чего отъ него

требовали, и ему позволено было выпрыгнуть въ окошко, какъ и прочіе поступили. Шведы учинясь обладателями дома, затворили и завалили снова окны. У нихъ не было недостатка въ оружіи. Одинъ погребъ, наполненный ружьями и порохомъ, избѣжалъ отъ поисковъ Янычаровъ, и весьма учинился имъ полезенъ. Шведы стрѣляли въ окны по Туркамъ съ величайшимъ успѣхомъ, ибо они предъ домомъ толкалися великими кучами, и меньше, нежели въ десять минутъ, положили болѣе двухъ сотъ на мѣстѣ. Турки между тѣмъ стрѣляли по дому изъ пушекъ; но поелику камни, изъ коихъ онъ былъ построенъ, были весьма мягки, то ядры ничего не испровергали; но только дѣлали диры. Паша, который хотѣлъ взять Короля живаго, стыдясь, что потерялъ столько людей, и занималъ цѣлую армію противъ шестидесяти человѣкъ, разсудялъ заблаго зажечь домъ, дабы принудить Короля къ здачѣ. Онъ пр-

казалъ бросить на кровлю, въ двери и въ окны стрѣлы обвитыя зажженными фитилями, и въ одну минуту домъ загорѣлся. Горящая кровля была готова упасть на Шведовъ. Но Король весьма спокойно приказывалъ потушать пожаръ. Нашедъ небольшой боченокъ, наполненный жидкостію, схватилъ онъ его, и съ помощію двухъ Шведовъ бросилъ въ то мѣсто, гдѣ огонь сильнѣе свирѣпствовалъ. Но нашлося, что сія бочка была наполнена водкою; ибо скорость, неразлучная съ толикими хлопотами, возбранила о томъ помыслить; пожаръ усугубился съ большею яростію; комната Королевская згорѣла; большая зала, гдѣ находились Шведы, была наполнена страшнымъ дымомъ, и пламенные вихри входили въ оную изъ ближнихъ комнатъ; половина кровли упала въ самый домъ, другая же половина вaлилась на улицу съ великимъ трескомъ. Одинъ Гвардеецъ, по имяни Валбергъ осмѣлился вскричать въ сей

крайности, что надлежитъ здаться. Вотъ странной человѣкъ, сказалъ Король, которой думаетъ, что лучше быть плѣнникомъ, нѣжели згорѣть. Другой Гвардеецъ, называемый Розенъ, вздумалъ сказать, что домъ, въ коемъ была Канцелярія, находящійся только за пятьдесятъ шаговъ, былъ покрытъ черепицею, и слѣдовательно могъ противиться огню, что должно сдѣлать вылазку, войти въ сей домъ и въ онομъ защищаться. Вотъ прямой Шведъ, вскричалъ Король. Обнялъ сего Гвардейца и пожаловалъ его въ туже минуту Полковникомъ. Пойдемте друзья мои, сказалъ онъ, возмите съ собою сколь можно больше пороху и картечей, и со шпагами въ рукахъ прорубимся въ Канцелярію. Турки, окружившіе сей горящій отвсюду домъ, смотрѣли съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, что Шведы изъ онаго не выходили; но изумленіе ихъ еще болѣе умножилось, когда они увидѣли отворившіяся двери и Короля

устремившагося на нихъ съ отчаянною храбростію со всѣми своими людьми. Карлъ и главные Офицеры его вооружены были шпагами и пистолѣтами. Каждый выстрѣлилъ по два раза вдругъ въ то самое мгновеніе, какъ двери отворились; и въ единый мигъ побросавъ пистолеты и обнаживъ шпаги, заставили они Турковъ болѣе, нежели на пятьдесятъ шаговъ податься назадъ. Но минуту спустя, сіе малое войско Турки окружили. Король будучи по обыкновенію своему въ сапогахъ, запутался въ шпорахъ своихъ и упалъ. Немедленно двatцать Янычаровъ на него бросились. Онъ кинулъ въ верьхъ свою шпагу, дабы избѣжать горести отдать ее. Турки понесли его къ Пашѣ, одни держали за ноги, другіе за руки, какъ носятъ больныхъ, коихъ боятся обеспокоить. Бендерскій Паша ожидалъ съ важностію Карла въ своей ставкѣ, имѣя близь себя толмача. Онъ принялъ сего Государя съ глубочайшимъ почтеніемъ, и уни-

женно просилъ его успокоиться на софѣ; но Король, не примѣчая ни мало учтивостей сего Турка, стоялъ въ полаткѣ, и не садился. Да будетъ благословенъ Всемогущій, сказалъ Паша, что твое Величество въ живыхъ обрѣтается; я весьма огорчаюсь, что твое Величество принудило меня исполнить повелѣніе Его Высо-кости. Король чувствуя токмо досаду отъ того, что его триста воиновъ сдались въ своихъ ретрашементахъ, сказалъ Пашѣ: о естьли бы они защищалися такъ, какъ должно, то бы вы насъ въ десять дней не могли принудить къ здачѣ.

14. Чрезъ нѣсколько времени онъ самъ сталъ просить, чтобъ выѣхать изъ областей Султана, и поѣхалъ чрезъ Германію. По шестидесятидневномъ путешествіи, не безъ опасности, чтобъ не быть задержану на дорогѣ, прибылъ онъ 21 Ноября 1714 года, въ часъ по полуночи, къ воротамъ крѣпости Штральзундской. Король закри-

чалъ часовому, что онъ курьеръ, отправленный изъ Турецiи Королемъ Шведскимъ съ важными депешами, что ему непремѣнно надобно въ ту же минуту говорить съ Генераломъ Дикеромъ, Коммендантомъ той крѣпости. Часовой отвѣчалъ, что уже поздно, что Губернаторъ уже легъ въ постѣлю, и что надобно подождать до разсвѣта. Король возразилъ, что онъ присланъ съ важнѣйшими дѣлами, и объявилъ, что естьли они не разбудятъ немедленно Коменданта, то на другой день по утру всѣ будутъ перевѣшаны. Наконецъ караульной Сержантъ пошелъ и разбудилъ Коммendanta. Дикеръ подумалъ, что то былъ можетъ быть одинъ изъ Генераловъ Королевскихъ, велѣлъ отперѣть крѣпостные ворота, и ввести сего курьера въ его спальню. Дикеръ полуспящiй, спросилъ у него о здоровьѣ Короля Шведскаго. Король взявъ его за руку сказалъ: какъ ето можно, чтобъ мои вѣрнѣйшие подданные меня позабыли?

Дикеевъ узналъ тогда Короля; и не могъ почти глазамъ своимъ повѣрить. Онъ бросается съ постѣли, лобызаетъ колѣна своего Государя, проливая радостныя слезы. Извѣстіе о семъ разнеслось въ одинъ мигъ по всему городу. Всѣ встали; солдаты окружили домъ Губернаторской, улицы наполнились гражданами, кои вопрошали другъ друга: справедливо ли то, что Король здѣсь? Освѣтили всѣ окны; вино текло по улицамъ при свѣтѣ множества факеловъ и при звукѣ Артиллеріи. Между тѣмъ Король пошелъ почивать. Уже шестнадцать дней, какъ онъ не ложился. Надлежало распороть ему сапоги, чтобъ снять ихъ съ отекшихъ ногъ его отъ чрезмѣрной усталости. У него не было ни бѣлья, ни платья. Ему съ поспѣшностію сдѣлали все нужное изъ того, что могли найти въ городѣ лучшаго. Поспавъ нѣсколько часовъ, всталъ онъ единственно для того, чтобъ сдѣлать смотръ своимъ войскамъ и осмотрѣть

укрѣпленія. Въ самый тотъ день, разослалъ онъ по всюды свои повеленія, чтобъ начать снова жестокую войну противъ всѣхъ своихъ непріятелей.

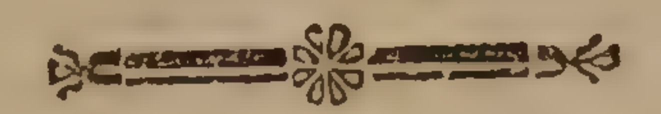
15. Городъ Штральзундъ, въ коемъ Карлъ находился запертъ, былъ осажденъ Королями Датскимъ и Прусскимъ. Въ одинъ день, какъ Король Шведскій диктовалъ письма Секретарю своему, бомба вдругъ упала на тотъ домъ, пробила крышку, и лопнула близъ самой Королевской комнаты. Половина пола провалилася; но кабинетъ, въ коемъ Король находился, былъ устроенъ въ стѣнѣ, и не потерпѣлъ ни мало отъ сего, и по удивительному дѣйствію щастія, ни одинъ черепокъ бомбы не влѣтѣлъ въ кабинетъ, коего дверь была отворена. При громѣ бомбы и при страшномъ звукѣ дома, которой, казалось, упадалъ, Секретарь уронилъ изъ рукъ перо. Что такое? сказалъ Король спокойнымъ видомъ, для чего ты не пишешь? Секретарь на силу могъ промолвить

сіи только слова: ахъ! Государь, бомба! Ну чтожъ, отвѣчалъ Король. Какое свойство бомба имѣетъ съ тѣмъ, что я тебѣ диктую? пиши.

16. Сей Государь столь укрѣпился трудами и усталостію, что середь зимы спалъ въ Норвегіи на открытомъ полѣ, на соломѣ или на доскахъ, завернувшись только въ одинъ плащъ, и здоровье его ни малаго ущерба отъ того не претерпѣло. Услышавъ про нѣкоторую женщину, называемую, Іонсъ Доштеръ, которая многіе мѣсяцы жила безъ всякой пищи, кромѣ воды, захотѣлъ онъ испытать, долго ли можетъ онъ сносить голодъ, не ослабѣвъ отъ онаго. Онъ провелъ пять дней безъ пищи и питія; въ шестой день по утру, ѣздилъ онъ два часа верьхомъ, и сошелъ съ лошади у Принца Гессенскаго, своего зятя, гдѣ весьма много ѣлъ, не почувствовалъ ни малаго вреда, какъ отъ продолжительнаго голода, такъ и отъ того, что послѣ

сего пощенія наѣлся онъ чрезъ мѣру много.

17. Сей Государь осаждая Фридрихсгаль, крѣпкой городъ въ Норвегіи, былъ убитъ въ траншеи пушечнымъ ядромъ 11 го Декабря около девяти часовъ вечера.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ РАЗСУЖДЕНІЙ О НѢКОТОРЫХЪ НЕИМОВѢРНЫХЪ ДѢЯНІЯХЪ И СКАЗАНІЯХЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

Целій Родигиній списываетъ все, что читаетъ, безъ размышленія, безъ разбору, сообщаетъ онъ намъ истинны и нелѣпости, стольже удобно, какъ ихъ находитъ. Посмотримъ, что предложитъ онъ намъ новаго? Забавное обыкновеніе. „Женщины, говоритъ онъ, „въ Египтѣ, по обыкновенію своего „отечества не могли носить башма-

,,ковъ; что и принуждало ихъ си-,,дѣть дома.,, Авторъ сдѣлалъ сію небольшую кражу у Плутарха въ сочиненіи его, гдѣ онъ подаетъ наставленіе мужьямъ. Все то, что онъ лишняго повѣствуетъ, состоитъ въ томъ, что большая бы часть женщинъ его времени должны были поступить такъ, какъ Египтянки, естьли бы отняли у нихъ парчевыя ихъ башмаки, запястья и жемчугъ.

Былъ ли на ето особливой законъ? Плутархъ говоритъ о семъ какъ о простомъ только обыкновеніи. Сколь жалко было состояніе Египетскихъ женщинъ! Онѣ, по утвержденію историковъ, были обязаны пахать землю, торговать, словомъ, производили всѣ работы и дѣла, между тѣмъ, какъ мужья ихъ сидя дома, ткали холстину, стараніе о важныхъ дѣлахъ было препоручено женщинамъ. Надлежало имъ ходить со двора для учиненія оныхъ; надлежало такъ же, чтобъ онѣ сидѣли дома за неимѣніемъ

башмаковъ. Вотъ у одного народа два весьма противоречущія обычая, весьма несправедливыя и весьма невѣроятныя! Слѣдовательно не видно было женщинъ, прогуливающихся по городамъ и по полямъ Египетскимъ; ибо по видимому законъ сей касался до мѣщанокъ и до крестьянокъ. Какимъ же образомъ пахали онѣ землю и торговали? Я повторяю еще, и впредь повторять буду, что таковыя противорѣчія, таковыя сумазбродства, долженствовали бы истребить наше несмысленное удивленіе къ древности. Но послушаемъ Еліяна: онъ опровергаетъ сію басню одною весьма забавною повѣстцою.,, Блудница Родопа однажды купалася; служанки ея стерегли на берегу ея платьѣ; отколѣ ни взялся орелъ, бросился съ высоты, унесъ одинъ изъ ея башмаковъ, и уронилъ оной въ городѣ Мемфисѣ, на колѣни Псамнитика, Царя Египетскаго, въ то время, какъ онъ давалъ аудиенцію. Сей Государь, удивясь красотѣ сего башмака, не могъ

налюбоваться онымЪ: онЪ размышлялЪ долгое время о поступкѣ сЪ нимЪ орла, и приказалЪ, чтобЪ какЪ можно скорѣе нашли ему ту женщину, которой принадлежалЪ сей башмакЪ. НаконецЪ ее нашли, и онЪ на ней женился. „ Сей Государь видно былЪ вЪ милости у боговЪ, что орелЪ самЪ избралЪ ему супругу. Колико Родопа была щастлива, что башмакЪ ея отверзЪ ей путь кЪ трону! Сей тронЪ, на коемЪ царствуютЪ земные боги, то не уже ли рабы, блудницы и грѣшницы могутЪ на оной восходить?

Естьли Египетскія женщины не носили башмаковЪ, то отЪ чего же Родопа оные имѣла? Мнѣ скажутЪ, можетЪ быть на сіе, что она была иностранка и Гречанка; что слѣдовательно она не подвластна была сему закону; что она могла прогуливаться или сидѣть дома по своему желанію. Но приказЪ Царя Египетскаго искать по всему Египту женщину, которой принадлежалЪ тотЪ прекрасной баш-

мачокъ, не значитъ ли, что всѣ женщины Египетскія носили башмаки, подобно иностраннымъ. Естьли бы сей Государь зналъ тому противное, то вѣрно бы онъ исключилъ отъ поисковъ своихъ Египетъ, и приказалъ бы искать въ сосѣдственныхъ земляхъ.

По сказанію Иродота, съ того времени, какъ Египетъ прешелъ подъ власть Персіянъ, то городъ Анѳилія былъ данъ супругѣ Короля Египетскаго на ея обувь. сіе обыкновеніе отнюдь нестранно: оно еще ведется во многихъ Государствахъ, а наипаче въ Испаніи. Тамъ чрезъ нѣсколько лѣтъ собираютъ великую подать на Королевины башмаки. При рожденіи Принца еще сбираютъ подать на его пеленки. Артаксерксъ, по сказанію Аѳинея, далъ Ѳемистоклу, по изгнаніи его изъ Аѳинъ, пять городовъ, Лампсакъ для вина, Магнезію для хлѣба, Міунтъ для стола, Палекопъ и Пересопъ для снабженія его платьемъ. Что касается до города, опредѣленнаго для обу-

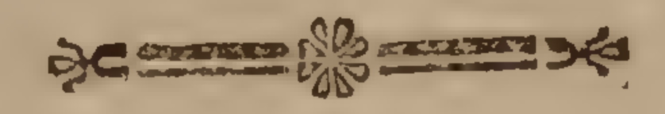
ви Королевиной, то изъ того можно заключить безъ труда, что обыкновеніе Египетскихъ женщинъ ходить босикомъ есть сказка. Можетъ быть скажутъ мнѣ, что обуваться было позволено только одной Королевѣ; тогда бы городъ Анѳилія возропталъ на Королеву. Ей даютъ, сказали бы женщины онаго, цѣлой городъ на обувь, а намъ не позволено имѣть башмаки за собственныя наши деньги, дабы могли мы прогуливаться, и защищать ноги наши отъ каменьевъ и суровостей погоды. Еще бы легче намъ было, когда бы позволяли намъ носить тоненькіе башмачки, не толще бумажнаго листа: мы бы ходили такъ осторожно, такъ тихо, что они бы очень долго у насъ проносились. Но вѣчно безъ башмаковъ, вѣчно дома, какая скучная жизнь!

У Ефіоповъ, говоритъ Діодоръ Сицилійскій, когда у Короля болѣла какая нибудь часть тѣла, то всѣ его

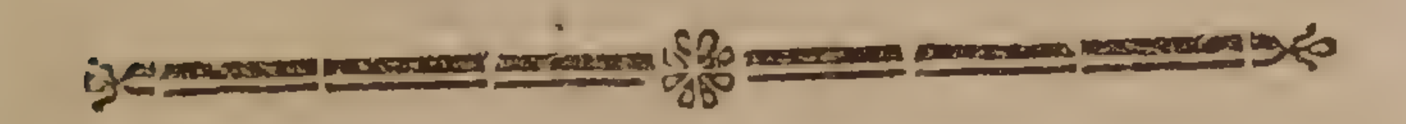
придворные увѣчили себѣ ту же часть. Сей же Авторъ увѣряетъ, что пріятели Королевскіе при кончинѣ его умерщвляли сами себя. Я удивляюсь, что Страбонъ упомянулъ о семъ обычаѣ, хотя однако же онъ говоритъ о томъ только мимоходомъ. Онъ не осмѣлился видно утверждать столь невѣроятнаго дѣянія. Какое стараніе долженствовали Еѳіопы прилагать о своемъ Государѣ и его здравіи! Какіе обѣты возсылали они къ богамъ, чтобъ они благоволили продлить жизнь его, или чтобъ онъ не выломилъ себѣ руку или ногу! Но естьли придворные и пріятели Царскіе умерщвляли себя; то всѣ его родственники, всѣ Вельможи того Государства, коихъ надлежитъ полагать съ нимъ въ связи, такъ же себя умерщвляли, все дворянство погибало: кто же восходилъ послѣ его на престолъ?

Плутархъ при случаѣ отказа въ Консульствѣ, учиненнаго народомъ Катону Утикскому, говоритъ, что сіе несчастіе повергало въ уныніе на нѣсколько дней не только исключенныхъ кандидатовъ, но даже и всѣхъ ихъ родственниковъ; но Катонъ принялъ сей отказъ съ такимъ равнодушіемъ, и столь мало онымъ уважалъ, что въ самой тотъ же день велѣлъ онъ по тогдашнему обыкновенію вымазать себя масломъ, пошелъ играть мячемъ на Марсовомъ полѣ, а послѣ обѣда въ одной рубашкѣ и босикомъ прогуливался по обыкновенію съ пріятелями своими по городской площади. Можно ли повѣрить, чтобъ Катонъ внутренно не былъ огорченъ учиненнымъ ему отказомъ? Естественно ли намъ радоваться, не получивъ такой вещи, коей обладаніе причинило бы намъ великое удовольствіе? Естьли бы случилось у насъ, чтобъ какой нибудь почтенной Вельможа или Сенаторъ

выбѣжалъ бы въ одной рубашкѣ и босикомъ на площадь, и сталъ бы тамъ играть мячомъ, отъ того что ему отказано такое мѣсто, коего онъ желалъ; не имѣли ли бы мы основательной причины сказать, что онъ сошелъ съ ума? Желая надмѣру возвысить Римлянъ, мы дѣлаемъ ихъ сумазбродными уродами и дураками.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ

ПЕРЬВЫЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, ПОЕМА.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Еротъ, невидимо пребывающій съ юношею, дабы возбуждати его къ трудамъ, потрясаетъ крыліями посреди влажныя нощи, и при свѣтѣ Луны направляетъ быстрый полетъ къ нѣкоему острову, обитаемому Еоломъ. Вдали слышитъ онъ вой вѣтровъ, заключенныхъ въ вертепѣ единыя отъ каменныхъ горъ; шумъ сей подобился ревущей бурѣ, когда волнуетъ она пучину. Между тѣмъ низлѣтаетъ онъ на скалу, воздымающую изъ бездны кичливую свою вершину. Тамо богъ вѣтровъ возлегалъ на огромномъ камнѣ,

при входѣ вертепа находящемся. Вѣтры шумно лѣтая, въ безпрестанномъ движенiи пребывали. Единымъ повелѣвалъ онъ возмущати море, другимъ испускати ужасный ревъ и свистъ, и наполняти горы и дремучiе лѣса страшнымъ завыванiемъ, или собирая грозныя тучи карати злодѣевъ. Тишайшимъ же изъ нихъ повелѣваетъ дыхати окрестъ смиренныхъ хижинъ, дабы прохлаждать оратая среди трудовъ сельскихъ.

Но власть его болѣе уже прелестей ему не являла. Сѣдящь на влажномъ камени, скрывалъ онъ прискорбное чело своею дланiю, по коей развевалися власы его. Снѣдаемый тоскою, печально созерцалъ онъ волны, и сребряный зракъ Луны, скользящiй по морщливому хребту ихъ. Сей богъ згаралъ лютѣйшею страстiю къ единой изъ Нереидъ. Еротъ паря нѣкогда надъ его главою, и зря его праздна, при вертепѣ возлежаща, уязвилъ его острѣйшею стрѣлою! Сынъ Кио-

реи слыша стенанія его, ниспускается на ближайшую скалу, и оттолѣ жалобамъ его внимаетъ: о ты, вѣщалъ онъ гласомъ томнымъ, о ты, любезнѣйшая изъ Нимфъ сопутствующихъ Өетидѣ, прелестнѣйшая изъ всѣхъ обитательницъ моря! Уже ли скорбь моя никогда не поселитъ въ сердцѣ твоемъ ко мнѣ горячности, или хотя сожалѣнія? Увы, колико времени любовь меня терзаетъ! Тщетно услужливые вѣтры поражаютъ слухъ твой вздохами и жалобами моими. Пламень, пожирающій меня, не можетъ тебя тронуть. Ты льдяною душею взираешь на страстныя мои взгляды, когда съ легкостію проплываешь воды, отражающія снѣгоподобную грудь твою. Какое сладкое содроганіе меня объемлетъ, когда исходишь ты на поверьхность моря, но когда скрываяся поспѣшно въ безднѣ, исхищаешся отъ алчнаго моего ока, увы! тогда хладное уныніе поражаетъ мои чувства. Колико восхищаюся зря тебя резва-

щуюся съ твоими подругами по блистающей влагѣ, когда живость игоръ вашихъ пѣнитъ спокойную пучину! Но изступленная ревнивость стесняетъ мою душу, когда спремишся ты съ другими Нимфами съ тростниковыми лозами за богами моря, увѣнчанными осокою, и когда гонимый тобою богъ обратясь внезапу объемлетъ тебя, и прижимаетъ мощными своими руками. По истиннѣ влажные члены твои ускользаютъ отъ его усилій, ты сокрываешся подъ водою, и вскорѣ зришся на поверьхности ея далеко отъ него являя на небесныхъ устахъ твоихъ насмѣшливую улыбку; но когда онъ устремляется за тобою подъ волнами, когда глаза мои обоихъ васъ тѣряютъ, или когда единый отъ сихъ боговъ пришедъ изъ бездны, нечаянно объемлетъ тебя, и восхищаетъ на воздухъ съ громкимъ смѣхомъ; тогда то прихожу я въ бешенство, поражаю ногою землю.... ибо ты улыбаешся; и на мѣсто гнѣва за дерзость его:

забываешь мученія, меня снѣдающія. Тогда сильная рука моя подъемлетъ горободобный камень, и готовится верзити его на дерзновеннаго. Я призываю свирѣпѣйшихъ вѣтровъ, повелѣваю воздвизати имъ грозныя бури, и возмутити ненавистное мнѣ зрѣлище. Но боязнь, тебя прогнѣвати, исхищаетъ камень изъ моей десницы, я паки заключаю вѣтровъ въ ихъ верпепы, и предаюся безсильной простиии. Томные взоры мои безпрестанно обрѣсти тебя стремятся, и когда содроганіе волнъ пробуждаетъ меня среди нощи, тогда мечтаю зрѣти тебя пловущу у брега; тщетно тебя призываю, и кляну мракъ, кроющій тебя отъ очей моихъ. О, почто не есть ты дщерь земли! Завистливыя воды претятъ мнѣ слѣдовати за тобою повсемѣстно, и заставить тебя внимати вздохамъ моимъ и стенаніямъ. Пріиди! ахъ, пріиди на брегъ мой! Ты обрѣтешь тамо пріятныя пещеры; нѣжнѣйшіе мои

Зефиры прохладятъ тебя тихимъ своимъ дыханіемъ: очи соберутъ для тебя отъ всѣхъ странъ свѣта изящнѣйшія благоуханія; плодотворное ихъ дыхновеніе произраститъ окрестъ острова моего прелестнѣйшія сѣни; пріиди, и буди владычицею вѣтрамъ, пріиди съ тѣмъ очаровательнымъ видомъ, съ какимъ узрѣлъ я тебя въ первый разъ на моемъ брегѣ, на цвѣтущей муравѣ сѣдящу, между тѣмъ, какъ кринопо-добные члены твои блистали отъ Солнца, и прозрачныя капли морскія воды нистекали съ тѣла твоего на зеленый дернъ, подобно утренней росѣ, съ младыхъ и свѣжихъ розъ низпадающей. Пріиди, не уклоняйся отъ моихъ объятій! Не возвращайся болѣе въ волны: не повторяй того жестокаго поступка, когда сокрылася ты въ безднѣ настигаема мною, и предала меня въ добычу всѣмъ лютостямъ несчастныя любви.

Тако вещалъ со стономъ Еолъ, когда Еротъ къ нему приближился. Я внялъ вопль твоему, сильный владыко вѣтровъ! рекъ ему Еротъ. Я есмь сынъ Пафосскія богини; въ моей состоитъ власти скончати твои скорби, клянусь тебѣ священнымъ Олимпомъ, что когда благоволишь ты исполнить мою прозьбу, то будь надеженъ, что острѣйшая изъ стрѣлъ моихъ поразитъ сердце нечувствительной дщери Нереевой. Сама она пріидетъ на брега твои, являя на лице нѣжный румянецъ стыдливости, и пламенною любовію воздастъ тебѣ за твои страданія.

Еолъ отвѣщаетъ ему съ видомъ пріятнаго удивленія: о сынъ могущія Венеры! чего ты отъ меня желаешь? Могу ли чемъ заплатить за обѣщанное мнѣ днѣсь тобою съ клятвою толико священною? Познай чего я отъ тебя ожидаю; рекъ Еротъ. Повели немедленно заключити всѣхъ вѣтровъ твоихъ до того часа, въ которой

Солнце погружается въ нѣдрахъ бездны, и дай мнѣ тысящу отъ твоихъ Зефировъ, да пребудутъ они до того времени въ моемъ повиновеніи. Внезапу гласомъ громкимъ Еолъ созываетъ вѣтровъ: они отвсюду лѣтятъ, наполняя воздухъ пронзительнымъ свистомъ быстрыхъ крилъ своихъ; Еолъ заключаетъ ихъ въ вертепахъ, и тысяща Зефировъ порхаютъ уже вокругъ Кипридина сына.

Вскорѣ, вѣщаетъ Еротъ, вскорѣ получишь ты цѣну снизхожденія твоего, и узриши исполненіе твоихъ желаній. Днесь достоитъ мнѣ лѣтети, куда дѣло мое меня призываетъ. Онъ рекъ, и пріялъ полетъ съ Зефирами ко брегу, гдѣ при помощи бѣлесоватаго слабаго свѣта, покрывшаго уже Восточную страну небесъ, узрѣлъ онъ предпріимчиваго юношу, возхищеннаго радостію при видѣ прекрасныя денницы, и коего душа исполнена была счастливаго предчувствія. Тихое море едва являло легкое содроганіе на во-

дахъ своихъ, при восходѣ великолѣпаго царя звѣздъ: тогда узрѣлъ онъ съ большею прежняго ясностію, противолежащій острогъ. По брегу раздавалося пѣніе птицъ, и внезапу двѣ горлицы воспарили къ остроову надъ его главою. Тишайшіе вѣтры едва дышали на тѣнистомъ брегѣ. Такова была тишина, царствовавшая на водахъ и на сушѣ, когда Венера изходила изъ морской пѣны, ясное небо, зеленѣющаяся пучина, цвѣтами испещренные брега, созерцали блистательную красоту ея; изумленные вѣтры пресѣкли полетъ свой, влюбленные Зефиры лобзали тьмократно рождшуюся богиню. Между тѣмъ юноша, коего отважность и любовь невидимо Еротомъ были подстрѣкаемы, восходитъ на лодію свою. О ты! повелитель морей: о Нептунъ, вопіетъ онъ, боги и богини, будите благосклонны моему предпріятію. Не дерзость и не преступное высокомѣріе нудятъ меня на сное покуситься; нѣтъ, се чувствіе чистѣй-

шее, се любовь возженная въ сердцѣ моемъ нѣкіимъ божествомъ, любовь меня къ тому возбуждаетъ и влечетъ непреодолимо. То человѣколюбивое желаніе подати помощь злосчастнымъ, презрѣвъ страхи и опасности, заставляетъ меня на сіе дерзнути. Не возпящайте мнѣ достигнути брега сего острова! А ты божество благодѣтельное, воспалившее меня сею любовію, не остави меня! Ты произвело въ душѣ моей сію отважную мысль.

Онъ вѣщалъ еще, какъ внезапу Еротъ произрастилъ со дна лодіи щеглу, украшенную цвѣточными плетеницами, кои развевалися по воздуху; и судно приближалося къ острову; ибо сей богъ повелѣлъ Зефирамъ дути въ плетеницы, и отдаляти его отъ приморія. Единые изъ нихъ раздѣляли предъ лодіею валы, и углаждали тихимъ помаваніемъ крылъ своихъ юношу, которой ощутивъ священный ужасъ, узрѣлъ, что нѣкій

богъ ему споможествуетъ. Тогда исполнясь безпредѣльныя бодрости, удаляется онъ отъ брега; Еротъ же между тѣмъ невидимо предлѣтитъ ему. Со дна бездны и со бреговъ отдаленныхъ стекаются чада Нептуновы, Тритоны и Нереиды, тростникомъ увѣнчанные: составляютъ обширный кругъ, удивленные отважностію младаго смертнаго, который перьвый дерзнулъ ввѣритися неизмѣримой пучинѣ на бренномъ древѣ. Буди блаженъ, воспѣли они, да все споспѣшествуетъ твоему путешествію, о неустрашимый юноша! Любовь воздастъ тебѣ; та любовь, которая внушила тебѣ толико мужества, что презрѣвъ страхи, предался ты морскимъ волнамъ на утломъ пнѣ древесномъ. Колико пріятно зрѣть тебя пловуща по водамъ, подобно величественному лебедю, разсѣкающему ласпами своими влагу! По истиннѣ самъ Еротъ лѣтитъ предъ тобою блаженъ тотъ, кого пріемлетъ онъ подъ кровъ свой. Пріимите

его невредима подъ сѣнь вашу дубровы и острова! Тамо обрящетъ онъ награду, сладостную награду вымысла своего и неустрашимости. Мы провидимъ въ будущее время; зримъ искуство его усовершенствованно. Зримъ многочисленные племена, покрывающіе пучину гордыми своими кораблями, и пловущіе къ отдаленнымъ народамъ. Человѣки различные нравами, отдѣленные пространными морями, съ удивленіемъ взираютъ другъ на друга на спокойномъ приморіи. Они грядутъ искати и преносятъ въ страну свою сокровища земель чуждыхъ, избытки ихъ, науки и художества. Тогда узрятъ пловца безъ страха носящагося по неизмѣримой безднѣ, и пролагающаго себѣ путь по морямъ неизвѣстнымъ. Онъ дерзки презритъ бурю, когда бунтующія стихіи учинятъ судно его игралищемъ волнъ. Таковы суть отважность и разумъ чадамъ Промиѳеевыхъ: огнь небесный горитъ въ сердцѣ человѣка, и грозящія опасности

токмо вящше воспламеняютъ необузданное ихъ мужество.

Тако воспѣвали Нереиды и морскіе боги, составя окрестъ лодіи шумное ликованіе, между тѣмъ, какъ къ сладкогласію ихъ Тритоны присоединили звуки трубъ своихъ. Въ то время юноша пристаетъ безвредно ко брегамъ острова, который пріемлетъ его подъ роскошныя свои сѣни. Исполненъ радости, стремится онъ изъ лодіи своей, влечетъ ее на песокъ, и воздаетъ благодареніе богамъ за счастливый успѣхъ дерзостнаго своего предпріятія. Ощущая сладкую надежду, претекаетъ рощи острова; и при каждомъ шагѣ съ восхищеніемъ созерцаетъ слѣды рукъ трудолюбивыхъ: онъ зритъ смоковницы и яблони, насажденныя плодовитыми стогнами; виноградъ віяся отъ единаго древа къ другому, являлъ столь обильные плоды, что вѣтви древесныя уклонялися подъ тяжестію его гроздовъ. Ясмины и мирты составляли разсѣянные всю-

ды очаровательные кустарники, и множество прелестныхЪ источчиковЪ въ испещренныхЪ цвѣтами берегахЪ текли съ пріятнымЪ ропотомЪ подЪ сводами, кустарниками составляемыми.

Между тѣмЪ, какЪ занимался онЪ симЪ новымЪ зрѣлищемЪ, Мелида, сѣдящая въ сѣни близЪ матери своей, уклоня главу кЪ персямЪ, въ глубокомЪ молчаніи пребывала; наконецЪ Семира рекла ей тако: доколе, дщерь моя пребудеши въ уныніи? Повѣдай мнѣ вину тоски твоея, возлюбленная Мелида!

Мелида воззрѣвЪ на нее слезящими глазами, тако отвѣщаетЪ: увы! я крушуся не вѣдая тому причины, не знаю отЪ чего сердце мое трепещетЪ, не знаю, что столь мучительно теснимЪ грудь мою; чувствую токмо что я злосчастна, и злосчастна болѣе всѣхЪ прочихЪ тварей.

КакЪ можешь! дражайшая Мелида, возражаетЪ съ прискорбіемЪ мать ея, какЪ можешь почитать себя зло-

получною? Единыя твои мечтательныя мысли соделываютъ тебя таковою. Въ чемъ претерпѣваешь ты недостатокъ? Всѣ цвѣты твои по желанію твоему возрастаютъ; всѣ твои предпріятія увѣнчаваются успѣхами: бесѣдки твои одѣваются прохладнѣйшими тѣнями для твоего успокоенія; древеса насажденныя тобою, суть красивѣйшія на всемъ островѣ: все здѣсь стремится ласкать тебя и утѣшати. — Почто стадо твое не составляетъ болѣе любимой твоей забавы?

Такъ, родительница моя! восклицаетъ Мелида, проливая слезы, увы! такъ! нѣкогда веселіе всюды меня препровождало: но теперь нѣтъ уже для меня онаго. Тѣнь древесная нынѣ умножаетъ токмо тоску мою; видъ каждой травки причинялъ мнѣ прежде удовольствіе, и оно преходило въ сердцѣ мое съ благоуханіемъ каждаго цвѣта; но теперь, увы! островъ сей ни единыя утѣхи мнѣ не являетъ; я есмь злополучнѣйшая изъ существъ

живущихъ. Когда зрю я птицъ, собравшихся во множествѣ, веселящихся и поющихъ на древесныхъ вершинахъ; когда овечки мои играютъ на лугу, или спокойно пріемлютъ въ тѣни отдохновеніе, и радуются зря себя вмѣстѣ, тогда я не могу возбранити душѣ моей желати.....

Семира пресѣкаетъ рѣчь ея сими словами: почто безпрестанно одни жалобы приносишь? дщерь неблагодарная къ богамъ! Можешь ли только заблуждатися, и желати вещей, коихъ и назвати не умѣешь, вещей несуществующихъ въ природѣ? Что рекла бы ты о мнѣ, когдабъ возроптала я, что море сіе не есть земля, или что не могу я, подобно птицамъ, носитися по воздуху? Или что древеса разглагольствовати со мною не могутъ.... Но сіи жалобы менѣе бы твоихъ были безразсудны.

Мелида отвѣщаетъ: нѣтъ, желанія мои не столь мнѣ безумны быти мнятся. Почто небо хощетъ, чтобъ

мы токмо съ тобою во всей природѣ лишенны были благихъ, вкушаемыхъ всѣми животными? И во всемъ ли мы съ ними сходны? Они насыщаются, предаются сну, слышатъ и чувствуютъ, какъ и мы; радуются и тоскуютъ наипаче, когда отъ подобныхъ себѣ бываютъ отлученны: почто же, имѣя толикое съ ними сходство, въ единомъ токмо семъ мы съ ними разнствуемъ.

Почто? отвѣщаетъ мать съ нѣкоею досадою; о семъ должна ты боговъ вопрошати, почто не дали они тебѣ иныя бесѣды, кромѣ кроткихъ твоихъ агнцовъ? Когда таково есть изволенiе ихъ, то престани роптати.

Мелида робкимъ гласомъ продолжаетъ: но почто овенъ не веселится бесѣдою сѣрны; почто голубь не ищетъ врановъ, и всякое бытiе токмо съ подобными себѣ желаетъ пребывати. А мы! уже ли не составляемъ особаго рода? Самый нѣжнолюбящiй меня агнецъ болѣе съ агнцомъ, не-

жели со мною веселится, Или я, прерываетъ Семира; не единаго съ тобою рода? Я люблю тебя болѣе, нежели агнцы могутъ любити агнцовъ: болѣе нежели птицы любятъ птицъ.

Такъ, отвѣщаетъ съ нѣжностію Мелида, такъ родительница моя: но ты сама, я вижу, ты сама крушишся; можетъ быть менѣе бы ты печалилась, когда бы насъ было болѣ; забавы наши были бы тогда разнообразнѣе. Какую бы радость ощущала я, когда бы насъ было много! и естьли бы совокупными силами старалися мы тебя утѣшати! Ахъ! естьли бы здѣсь обрѣталося еще хотя единое подобное мнѣ твореніе, участвующее во всѣхъ малыхъ моихъ забавахъ, которое бы со мною было неразлучно.... увы! мнѣ мнится.... сердце мое любитъ тебя превыше всего, но мнѣ мнится, что сіе сердце еще болѣе любви вмѣщати въ себѣ удобно; и сія любовь относится къ предмету, коего я, увы! ни опредѣлить, ниже наимяновать не въ силахъ.

Семира рекла воздыхая: колико бѣдоносныя твои желанія возмущаютъ мою душу! Боги отрекаются ихъ исполнити, ибо ты неотступными прозьбами имъ скучаешь. Всякое древо, всякій камень, могутъ они претворити въ бытіе тебѣ подобное; но....

Мелида стремительно прерываетъ слова матери своея: какъ! боги могутъ учинити таковое чудо? О боги! подъ каждымъ древомъ, при каждомъ камени, буду я вамъ жертвовати: я предложу вамъ изящнѣйшіе плоды: буду безпрестанно умоляти васъ..... такъ, я иду.... Семира внезапу подъемлетъ главу: боги! вопіетъ она, что я зрю?.... По сихъ словахъ пребыла она недвижима, яко громомъ пораженна. Юноша въ неменьшемъ смятеніи при дверяхъ сѣни обрѣтался, Небо! се она, возгласилъ онъ, се она, которую сонъ мнѣ представилъ!

Семира, объятая ужасомъ, возстаетъ отъ сѣдалища своего: естьли ты житель горняго олимпа, вѣщаетъ она,

и естьли низшелъ посѣтити насъ въ обиталищѣ нашемъ.... Ахъ! возри на насъ благосклоннымъ окомъ, и..... Но что се! я зрю тебя стояща за прагомъ, не менѣе насъ смущенна! Кто бы ты не былъ, вниди къ намъ!.... Юноша взошедъ наконецъ въ сѣнь ихъ, тако вѣщаетъ: будите ко мнѣ благосклонны, не есмь я житель Олимпа, но пришелъ на островъ вашъ случаемъ чрезвычайнымъ, умоляю васъ, удостойте милостиво меня пріяти.

Мелида во время сей рѣчи пребывала безмолвна, созерцая внимательно пригожій видъ юноши; напослѣдокъ рекла: такъ, боги вняли моимъ моленіямъ! они сотворили сей милый образъ для моего собесѣдованія. Приближися ко мнѣ, приближися, да осязаю руки твои и ланиты, подобіе розъ являющія. Повѣдай мнѣ, какимъ образомъ боги тебя создали! Ахъ! я безпрестанно буду возносити къ нимъ гласъ благодарности за сіе благотвореніе. Вѣщай, что былъ ты за

минуту предъ симъ? Древо? Камень? И глаголя тако, прижимала она трепещущую руку юноши къ воздымающейся груди своей. Юноша рекъ, изпустивъ нѣжный вздохъ любови: о возлюбленная моя! когда позволено мнѣ тако тебя нарицати..... Меня! прерываетъ Мелида! меня! ахъ, называй меня такъ безпрестанно: я всегда съ восхищенїемъ буду сему внимати: наконецъ я благополучна! Всѣ мои желанїя въ тебѣ единомъ совершилися. Почувствуй! ахъ! почувствуй, какъ отъ радости сердце мое бьется! Рука моя въ твоей трепещетъ: нѣтъ, никогда не ощущала я толикаго блаженства, никогда не чувствовала того, что чувствую теперь.

Боги! колико я счастливъ! вопїетъ юноша. Давно уже я люблю тебя превыше всего на свѣтѣ. Ахъ, колико опасный путь мой благополученъ! Колико награжденъ я за мое отважное предпрїятїе! Онъ рекъ, и прижимаетъ руку юныя дѣвицы къ пламеннымъ устамъ своимъ.

Что ты дѣлаешь?.... что я чувствую, гласитъ Мелида. Я отъ удовольствія умираю..... Все тобою творимое наполняетъ душу мою неизвѣстнымъ мнѣ доселѣ восторгомъ. Но ты, ахъ! восхощешь ли ты пребыти всегда со мною, помогати мнѣ въ моихъ работахъ, и раздѣляти со мною мои забавы?

Могу ли я, отвѣщаетъ юноша, могу ли я иначе поступити, когда безъ обладанія тобою не возможно мнѣ быти блаженнымъ?

О родительница моя! восклицаетъ потомъ Мелида, колико боги благи суть, внявшія дерзскимъ моимъ желаніямъ, и создавъ сіе любезное бытіе для собеседованія моего! Возри моя родительница, сіе существо столь же велико какъ и я: оно не такъ мало, какова была я, обрѣтенная тобою подъ кринами.

Семира рекла тогда: успокоимся отъ смятенія нашего; пріимите близъ меня мѣсто; а ты юноша, мы благо-

словляемъ тебя! Безъ сомнѣнія не за тѣмъ пришолъ ты въ сіе мѣсто, что бы намъ вредити. Повѣдай же мнѣ, отколѣ ты грядеши, и како завела тебя судбина въ пустынное наше обиталищѣ. Надлежитъ, чтобъ испыталъ ты чрезвычайныя приключенія? Тогда они возсѣли: юноша держалъ руку Мелиды, и началъ повѣствовать свое похожденіе, какимъ образомъ нѣкій богъ явилъ ему во сновидѣніи прекрасную Мелиду, какъ возчувствовалъ онъ къ ней сильнѣйшую любовь, какъ безъ надежды крушился онъ, зря себя отдѣленна отъ нея пространнымъ моремъ; какъ наконецъ ссорудилъ онъ себѣ лодію, и подвергся свирѣпости бездны въ издолбленномъ пнѣ древесномъ, управляя онымъ древяными ласпами; и како съ помощію боговъ присталъ онъ къ ихъ брегу.

Онѣ внимали съ удивленіемъ симъ чудеснымъ приключеніямъ; и Семира рекла: такъ сами боги внушили тебѣ замыслъ и отвагу предпріять по вол-

намъ сіе опасное путешествіе? -Принесемъ богамъ жертвы благодаренія: они привели тебя на сей островъ къ благодѣянствію нашему, и не восхотѣли оставити меня пасть подъ бременемъ удручавшихъ меня скорбей.

Мелида продолжала вѣщати: такъ есть иной брегъ и другіе обитатели за симъ моремъ?.... Сіе-то всегда почитала я истиннымъ, хотя мать моя тщетно оное отъ меня таила. А̀ ты, ахъ, не возвращайся болѣе ни когда на тотъ брегъ въ лодіѣ своей! пребуди со мною! принадлежи мнѣ единой! Мнѣ мнится, что не возмогла бы я снести, зря тебя любяща иныхъ подругъ, какъ днѣсь меня ты любишь. Но вѣщай мнѣ; ты мнѣ не таковымъ, какъ я, созданъ быти зришся: мягкій пухъ, коего я не имѣю, покрываетъ твои ланиты? Виною тому, отвѣщаетъ юноша, то, что я отрокъ, а ты дѣвица. Отрокъ! восклицаетъ Мелида; колико ты симъ меня удивляешь! Но я чувствую, что не могла бы я

болѣе тебя любити, когда бы ты совершенно во всемъ былъ мнѣ подобенъ. О, колико чудесъ мать моя отъ меня скрывала!

Семира при словахъ сихъ усмѣхается, и повелѣваетъ дщери своей уготовити изящнѣйшихъ плодовъ на вечерю. Мелида немедленно пріявъ руку юноши, идетъ съ нимъ плоды срывати. По среди нѣжнѣйшихъ рѣчей и сладчайшихъ лобзаній забываютъ они искомые плоды, и направляютъ стопы свои къ тому мѣсту брега, гдѣ лодія находилася. Воззри, вѣщалъ юноша, воззри возлюбленная моя! се древо, пренесшее меня чрезъ волны въ твои объятія. Мелида съ тороплнвостію туда поспѣшаетъ, исполненна живѣйшаго удивленія. О чудесное изобрѣтеніе! восклицаетъ она, о неслыханная отважность! Како ввѣритися неизмѣримой пучинѣ на бренномъ древѣ игралищѣ водъ, подобно легкому цвѣточному листку, носящемуся по воздуху: и сію неустрашимость внушила

тебѣ любовь твоя ко мнѣ? О мой сладчайшій другъ! Чемъ воздамъ тебѣ за любовь твою? Но повѣдай мнѣ, что зрю я прикрѣпленно обоюду лодіи твоей? Безъ сомнѣнія, то древяныя тѣ ласты, съ помощію коихъ подобно лебеду управлялъ ты путемъ твоимъ? Благословляю тебя древо благодѣтельное! Ты пріятнѣе зришся глазамъ моимъ распростерто на пескѣ, и лишенно твоихъ украшеній, пріятнѣе зришся мнѣ всѣхъ гордыхъ тѣхъ древесъ, на кои щедрая весна разсыпаетъ всѣ красоты свои! Благословенно мѣсто, тобою осѣневаемое! Благословенъ да будетъ прахъ, тебя насадившій! Да изольетъ природа всѣ прелести свои на мѣсто, гдѣ онъ почіетъ! Но ты! возлюбленной мой!... Тако вѣщала она къ юношѣ, нѣжно къ груди своей ея прижимающу, и между тѣмъ, слеза извлеченная нѣжностію изъ умиленнаго ея сердца, катилася по горячему лицу ея: ахъ! заклинаю тебя, не оставь меня; не уда.

ляйся отъ бреговъ сихъ! Ахъ! естьли ты когда либо ихъ оставишь, да возмогутъ тогда раздраженныя волны, да возмогутъ, сжаляся надъ моими стенанїями, извергнуть тебя паки въ мои объятїя! О возлюбленная моя! отвѣщаетъ юноша, осушая пламенными поцѣлуями драгоцѣнныя слезы, текущїя по ея ланитамъ, колико боязнь твоя несправедлива! Да поглотитъ меня первая волна въ бездну моря, естьли я оставлю когда брегъ сей съ таковымъ ненавистнымъ намѣренїемъ! И какъ возмогу я на сїе рѣшитися, какъ возмогу оставити съ тобою все счастїе мое и радости! Я хощу воздвигнути на счастливомъ брегѣ семъ два жертвенника, единый изъ нихъ посвящу Венерѣ и могущему ея сыну; ибо то онъ поселилъ въ сердцѣ моемъ сїю непобѣдимую любовь и сїю отважную рѣшимость; другой олтарь богу моря, покровительствовавшу мнѣ на волнахъ. По семъ обратили они стопы свои къ сѣни, и въ просто-

сплетенныхъ корзинцахъ поставили плоды предъ Семирою. Среди радостнаго ихъ разглагольствованія наступаетъ нощь; Еротъ провождаетъ ихъ подъ роскошную сѣнь, изъ ясминовъ и розъ устроенную, близь коея слышимо было тихое журчаніе источника. Малые Купидоны порхали между вѣтвіями сѣни, и нѣжные Зефиры, помавая благоуханными своими крилами, резвились вокругъ блаженныхъ сихъ любовниковъ.

Потомки ихъ усовершенствовали искуство мореплаванія; они воздвигли на брегахъ острова цвѣтущій градъ, и наименовали его Киеерою. Лаконійское море отражало вдали гордыя его башни и огромныя зданія, изъ коихъ великолѣпнѣйшее былъ храмъ, огражденный сугубымъ рядомъ столповъ, и богу любви посвященный. Блаженство и обиліе царствовали въ стенахъ сего града; и корабли Океана, богато нагруженные, отвсюды стекалися въ надежную и спокойную его пристань.

Конецъ второй и послѣдней пѣсни.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

ЧЕРТА ХИТРОСТИ ОДНОГО ТИГРА.

Изъ всѣхъ Восточныхъ странъ Малабаръ есть та, въ которой тигры наиболѣе ведутся. Ихъ тамъ находится три рода, кои не столько видомъ, сколько величиною различны. Меньшіе изъ нихъ не болѣе ростомъ нашихъ большихъ кошекъ. Деллонъ полюбопытствовалъ вскормить одного изъ нихъ, и держалъ его нѣсколько мѣсяцовъ. Сей звѣрь не принималъ ни какой иной пищи, кромѣ сырагo мяса. Хотя онъ прикованъ былъ довольно крѣпкою цѣпью, но два раза съ оной срывался. Въ первой разъ его поймали, и хозяинъ его получилъ отъ него въ руку большую рану. Въ другой разъ онъ совсемъ ушелъ, но долгое время однако же пробылъ по близости отъ того мѣста, гдѣ и при-

чинялъ кровопролитную войну домашнимъ птицамъ. Въ то время, какъ онъ былъ на цѣпи, то имѣлъ искуство разсыпать даемое ему пшено столь далеко, сколько могъ то учинить въ своемъ положеніи. Сія приманка привлекала куръ и индѣекъ. Онъ притворялся спящимъ, дабы дать имъ способность приближаться, и тогда бросясь на нихъ, всякой разъ душилъ по нѣскольку оныхъ.

ПОВѢСТЬ О ЛОШАКѢ ѲАЛЕСОВОМЪ.

Ѳалесъ, старѣйшій изъ седьми мудрецовъ Греческихъ, радовался, что открылъ хитрость одного лошака; вотъ какимъ образомъ: нѣсколько лошаковъ были употребляемы на перевозку соли изъ одного селенія въ другое. На пути находилася рѣка, чрезъ которую шедши одинъ изъ лошаковъ солью навьюченный, упалъ нечаянно въ оную такъ, что соль намокнувъ въ водѣ, почти вся раз-

тала, и когда онъ всталъ, то почти не почувствовалъ своего груза. Онъ угадалъ тотчасъ тому причину, и послѣ того всякой разъ, ходя чрезъ рѣку, ложился въ воду, поваливаясь въ оной съ одного бока на другой, что бы дать болѣе времени соли распуститься. О сей хитрости увѣдомили мудраго Ѳалеса, которой приказалъ нагрузить сего лошака шерстью и губками вмѣсто соли, и отправить его съ другими. Но въ сей разъ хитрость лошакова учинилась ему неудачною: ибо, когда онъ по обыкновенію своему легъ въ воду; то шерсть и губки наполнились водою, и увеличили тягость его груза. Сей опытъ далъ ему уразумѣть, что лукавство его сдѣлалось для него невыгодно, и въ послѣдствіи онъ столь исправно и рачительно наблюдалъ шествіе свое чрезъ рѣку, что даже никогда не замочалъ послѣ ни мало своего груза.

Плутархъ.

ХИТРОСТЬ ОДНОЙ СОБАКИ.

Въ одномъ постояломъ дворѣ находилось много собакъ, кои всякой вечеръ зимою приходили всѣ и ложилися передъ огнемъ, но такимъ однако же образомъ, что ни мало не безпокоили находящихся тамъ людей. Одна изъ сихъ собакъ будучи лѣнивѣе или гулливѣе другихъ, приходила всегда позднѣе прочихъ, и принуждена была лежать по зади всѣхъ. До того времени она прибѣгала къ одному только терпѣнію; но въ одинъ вечеръ, какъ стужа показалась ей видно несносною, прибѣгнула она къ хитрости, которая ей совершенно удалася. Побродивъ въ задъ и въ передъ, чтобъ какъ нибудь помѣститься съ двоими товарищами, вдругъ побѣжала она отъ нихъ къ дверямъ, и начала изъ всей силы лаять. Всѣ собаки въ одну минуту вскочили, и побѣжали къ дверямъ лая въ запуски. Собака, подав-

шая сигналъ, дала имъ пройти, и съ торжественнымъ видомъ пришла назадъ, и выбрала себѣ лучшее мѣсто близъ огня. Съ того времени она не пропускала ни одного разу, чтобъ не употреблять сей хитрости, когда только имѣла въ оной нуждѣ; и хозяева того дома съ великимъ удовольствіемъ сообщали проѣзжающимъ сей вымыселъ собаки.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ СОБАКИ ПРЕДОХРАНЯЮТЪ СЕБЯ ОТЪ КРОКОДИЛОВЪ.

Почти всѣ рѣки въ новой Гишпаніи наполнены крокодилами. Сіи животные, равно какъ и въ Египтѣ, весьма лакомы до собачьяго мяса, и безпрестанно караулятъ, не льзя ли имъ гдѣ поймать оныхъ: но собаки умѣютъ предохранять себя отъ опасности весьма удивительною хитростію. Когда имъ надобно плыть чрезъ рѣку, то они залаютъ прежде въ одномъ мѣстѣ берега, для привлеченія

тута всѣхъ крокодиловъ, и немедленно послѣ того переплываютъ рѣку въ другомъ мѣстѣ.

СТРАННАЯ РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

Змѣя Молукскихъ острововъ имѣетъ до тридцати двухъ футовъ длины. Она въ особливости жадна къ человѣческому мясу; но за неимѣніемъ онаго, прибѣгаетъ, сказываютъ, къ другому способу. Она жуетъ траву на берегу моря; послѣ того всползаетъ на деревья, выдавшіяся съ берега въ воду, и выблевываетъ съѣденную ею траву. Тогда множество рыбы съ алчностію пожираютъ сію приману, и въ ту самую минуту змѣя висящая на деревѣ, бросается на свою добычу. Естьли не удастся ей оную поймать, то вскорѣ опять ее находитъ; ибо наѣвшаяся сей травы рыба приходитъ въ нѣкоторой родъ безумія, которое учиняетъ ее неподвижною на поверьхности воды.

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ.

Въ первый разъ, какъ славный Бурдалу говорилъ проповѣдь въ присутствіи Короля, то вмѣсто обыкновеннаго Его Величеству привѣтствія, онъ сказалъ: Государь, мнѣ извѣстно обыкновеніе; но нижайше прошу Ваше Величество меня отъ онаго уволить; я искалъ въ Священномъ писаніи комплиментовъ; но ни одного не могъ найти.

Одна весьма задумчивая Принцесса видя молодую Гжу, которая недавно лишилась своего мужа, сказала ей: вы потѣряли, сударыня, вашего супруга, я сердечно о томъ сожалѣю. Потомъ думая безъ сомнѣнія о другомъ, спросила у ней: да не уже ли, сударыня, у васъ одинъ только и былъ.

Въ день рожденія Герцога Бургонскаго, которое было 6 Августа 1682

года, Король Лудовикъ XIV сколь ни важнаго былъ и величественнаго свойства, но не могъ скрыть чувствуемой имъ отъ того радости: онъ не хотѣлъ, чтобъ въ тотъ день окружали его придворные и стражи, и позволилъ всѣмъ къ себѣ подходить. Какъ онъ жаловалъ къ рукѣ всѣхъ, то Маркизъ Спинола въ жару усердія своего, цѣлуя у Короля руку, укусилъ его за палецъ такъ больно, что Король закричалъ: я прошу прощенія у Вашего Величества, сказалъ ему Спинола, но естьли бы я васъ не укусилъ, то вы бы меня не примѣтили.

Одинъ весьма богатой и скупой мѣщанинъ, и при томъ не въ хорошей славѣ, выстроилъ себѣ преизрядной домъ, на воротахъ коего велѣлъ сдѣлать сію надпись: да не одинъ бездѣльникъ не отважится входить въ сіи вороты. Одинъ честной человѣкъ, читая сію надпись, сказалъ: а гдѣ же будетъ входить хозяинъ.

Одинъ Гасконецъ услыша, что отецъ его былъ въ нѣкоемъ чужестранномъ Государствѣ повѣшенъ, скрылъ настоящую его смерть, но сказавъ, что онъ умеръ отъ болѣзни, надѣлъ по немъ трауръ, и велѣлъ приходскому Священнику сдѣлать ему поминовеніе, при коемъ и самъ присутствовалъ; по окончаніи службы Попъ взялъ кропило, готовился по обыкновенію окропить мнимой гробъ святою водою; сынъ повѣшеннаго будучи близь Священника, взявъ его за руку, и поднявъ оную къ верьху, сказалъ: выше, выше, святой отецъ, пожалуй выше, потому, что я имѣю на то свои резоны.

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

I.

Нѣкоторой строгой и слѣпой опекунъ имѣлъ четвероугольной домъ, въ которомъ было 9 комнатъ, изъ коихъ

въ срединѣ находящуюся занималъ онъ самъ, а въ прочихъ жили молодые люди, коихъ онъ былъ опекуномъ, въ каждой комнатѣ по три человѣка. Опекунъ узнавъ, что они часто гуляютъ съ своими друзьями, пошелъ осматривать ночью, всѣ ли оли дома; и нашедъ по 3 человѣка въ каждой комнатѣ, что, и сдѣлаетъ въ каждой линіи или ряду 9, отправился съ покоемъ спать. Между тѣмъ четыре человѣка изъ оныхъ отлучились; слѣпой опекунъ опять ночью пришелъ ихъ щитать, и опять нашедши 9 въ ряду комнатъ, оставилъ ихъ. Сіи четверо возвратились назадъ домой, и привели съ собою четырехъ пріятелей; слѣпой опекунъ опять къ нимъ пришелъ, и нащитавъ въ ряду комнатъ опять 9, возвратился. Не много погодя вошло еще четыре человѣка; и опекунъ, находя всегда по девяти на каждомъ ряду комнатъ, былъ увѣренъ, что ни кто не отлучался изъ дому, и не входилъ въ оной.

Надобно знать, отъ чего все сіе произходило.

Рѣшеніе.

Смотри приложенныя при семъ четыре таблицы.

I. Представляетъ начальное положеніе людей въ комнатахъ четвероугольнаго дома.

II. Изображаетъ то, какъ изъ онаго отлучились четверо, а осталось на каждомъ ряду или линіи комнатъ 9 же человѣкъ, по щету слѣпаго опекуна, щитавшаго по ошибкѣ людей, находящихся въ угольной комнатѣ по два раза, что самое можно видѣть изъ сихъ же таблицъ.

III. Представляется, какъ сіи люди расположились, когда возвратились 4 человѣка, и привели съ собою еще четверыхъ.

IV. Какъ они расположились по комнатамъ, когда вошло еще 4 человѣка. — Изъ всего того можно видѣть, что вокругъ всѣхъ сторонъ комнатъ находилось всегда по 9 че-

ловѣкъ; хотя въ самомъ дѣлѣ въ первомъ случаѣ было ихъ 24, во второмъ 20, въ третей разъ 28, а въ четвертой 32.

I.

3	3	3
3		3
3	3	3

II.

4	1	4
1		1
4	1	4

III.

2	5	2
5		5
2	5	2

IV.

1	7	1
7		7
1	7	1

2.

Способъ перемѣнить кольцо съ одной руки на другую, надѣть оное на тотъ палецъ, на которой угодно будетъ зрителямъ, такъ, чтобъ у производящего сію хитрость рукамъ не давали одной съ другою сообщаться.

Выпросите у кого нибудь изъ собранія золотое кольцо, и прежде нежели

возмете оное, скажите той особѣ, которой оно принадлежитъ, чтобъ она сдѣлала на немъ знакъ, дабы послѣ могла его узнать.

Съ вашей стороны, имѣя такое же золотое кольцо, привяжите оное струною къ маленькой часовой пружинкѣ, которую велите вшить въ лѣвой рукавъ вашего платья.

Возмите въ правую руку данное вамъ кольцо; потомъ столь проворно изъ леваго рукава вашего вытяните до самыхъ пальцовъ привязанное къ пружинкѣ кольцо, чтобъ того никто не могъ примѣтить; во время сего дѣйствія спрячте между пальцами правой руки данное вамъ кольцо, и прицѣпите оное на крючокъ, пришитый къ камзолу возлѣ бедра; потомъ закрывъ платьемъ, чтобъ его не видно было, покажите кольцо, держимое вами въ лѣвой рукѣ, и спросите у собранія, на которой палецъ желаютъ, чтобъ оное было надѣто. Между тѣмъ коль скоро лишъ скажутъ вамъ отвѣтъ, то опус-

тите назначенной палецъ къ крючку, и надѣньте кольцо; а другое кольцо, разжавши пальцы, опустите: пружинка, находящаяся у кольца, получитъ свою силу, и притянетъ кольцо подъ рукавъ толь скоро, что ни кто того не примѣтитъ, и даже самые тѣ, кои у васъ будутъ держать руки, ибо они ни о чемъ столь много не будутъ стараться, какъ только чтобъ не допустить соединиться онымъ; по чему вы можете производить нужныя для сего тѣлодвиженія.

Послѣ сего вы покажете собранію, что кольцо, по ихъ мнѣнію, перескочившее на другую руку, есть самое то, которое вамъ дано, и на коемъ находится замѣтка.

Однако же должно упомянуть, что къ произведенію сего забавнаго дѣйствія потребно много проворства и ловкости, способствующихъ скрыть обманъ.

КОНЕЦЪ ДВЕНАТЦАТОЙ
И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ДВЕНАТЦАТОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Статья Економическая.

Статья Нравоучительная.

Статья Историческая.

Стран.

